П. Е. ЩЕТИНКИН

БОРЬБА С КОЛЧАКОВЩИНОЙ

СИБКРАЙИЗДАТ

Петр Ефимович Щетинкин

ИСТПАРТОТДЕЛ СИБКРАЙКОМА В. К. П. (б)
СИБИСТПАРТ

П. Е. ЩЕТИНКИН

БОРЬБА С КОЛЧАКОВЩИНОЙ

Очерк партизанской борьбы на Минусинском фронте С портретом автора, 4-мя схемами партизанских боевых действий и архивными документами

Под редакцией, со вступительной статьей и дополнениями В. Д. ВЕГМАНА

СИБКРАЙИЗДАТ 1929 НОВОСИБИРСК

Сибкрайлито № 669
от 14 октября 1929 г.
г. Новосибирск,
Красный пр-кт, 16,
типография
Сибполиграфтреста
Заказ № 184
Тираж 5.000 экз

ПРЕДИСЛОВИЕ

Свой очерк Щетинкин писал для Сибистпарта Очерк был написан давно, но Щетинкин медлил с передачей его для напечатания, так как все хотел внести кое-какие изменения и дополнения. Незадолго до своей смерти Щетинкин уведомил Сибиспарт, что его очерк закончен. Однако, при жизни своей передать очерка не успел. После смерти Щетинкина Сибистпарту была передана его папка с личными делами и документами. Среди дел находился и очерк, переписанный на пишущей машинке, за исключением последних четырех страниц, написанных от руки. На полях рукописи имеются кое-какие незначительные дополнения и поправки. Весьма возможно, что рукопись была у кого-то на просмотре. Рукопись озаглавлена «Партизанские действия в южной части Енисейской губернии». Еще при жизни Щетинкина ему указали, что это заглавие неподходящее, так как оно не соответствует содержанию очерка. Щетинкин тогда предложил назвать очерк «Борьба с колчаковщиной», что мы и делаем, снабдив, однако, заглавие специальным подзаголовком для уточнения, о какой именно борьбе идет в очерке речь.

Крайне сжатый очерк Щетинкина не дает, конечно, исчерпывающей истории партизанского отряда, который фактически возглавляли А. Кравченко и П. Щетинкин. В очерке нет даже указания, отку-

да взялся и каковы были действия отряда Кравченко до того, как с ним об'единился Щетинкин со своими партизанами. Этот пробел мы заполнили небольшой заметкой об А. Д. Кравченко.

Для более полной характеристики тех отношений, которые установились между сойотами и партизанами, когда эти последние вошли в нынешнюю Танну-Тувинскую народную республику, мы сочли необходимым дать небольшую заметку «К пребыванию партизан в Урянхае».

Обе указанные заметки даны в «Приложении» и составлены В. Д. Вегманом.

В приложении же мы дали также и несколько до сей поры неопубликованных колчаковских документов, касающихся первого периода партизанской деятельности Щетинкина. Эти документы хранятся в Сибистпарте в «папке Щетинкина».

Колчаковские документы, относящиеся к позднейшей партизанской деятельности Щетинкина, опубликованы Центрархивом в книге «Партизанское движение в Сибири».

В рукописи Щетинкина имеются указания на то, что Щетинкин хотел снабдить свой очерк схемами военных операций партизан. Мы, однако, таких схем не нашли в делах Щетинкина. Схемы же, которые даны в настоящей брошюре, составлены специально для очерка Щетинкина по указанию и под руководством Сибистпарта.

Сибиспарт

Петр Ефимович Щетинкин

Партизанское движение в Сибири выдвинуло ряд талантливых руководителей и организаторов, с именами которых тесно и неразрывно связана вся история партизанской борьбы за свержение колчаковщины и восстановление соввласти в Сибири. Но почти никто из этих руководителей и организаторов не пользовался в Сибири такой широкой популярностью, как Щетинкин. Об'ясняется это не только партизанскими заслугами Щетинкина. Это об'ясняется и всей последующей жизнью и деятельностью Щетинкина.

Петр Ефимович Щетинкин родился 2 января 1885 г. (по ст. ст. 21 дек. 1884 г.) в с. Чуфилово бывшей Неверовской волости, Касимовского у., Рязанской губ. Его отец—крестьянин бедняк. «Крестьянское хозяйство,—говорит в своей автобиографии Щетинкин,—даже не оправдывало труда, так как всей земли в то время приходилось на душу около одной десятины. Обремененный семьей из трех малолетних детей, отец подрабатывал у деревенского кулака в кузнице, получая за это 10 рублей в месяц».

В 1895 году Щетинкин поступил в сельскую школу, где пробыл всего два года, после чего отправился в Москву плотничать. Плотничьим реме-

слом занимался он до октября 1906 г., когда по жребию призван был на военную службу, которую отбывал в Сибири, а в декабре 1909 г., уволен в запас армии старшим унтер-офицером, как окончивший учебную команду. Щетинкин остался на жительство в Сибири и снова занялся плотничьим ремеслом. Плотником знало его все крестьянское население Ачинского уезда. Однако, заработок был скудный и в августе 1911 г. Щетинкин поступает на военную службу сверхсрочным. В 1913 г. он кончает школу подпрапорщиков, а в 1914 г. уходит на фронт империалистической войны в качестве фельдфебеля 5 роты Сиб. стрелкового полка. За отличие в боях он был награжден георгиевскими крестами и медалями (получил даже медаль Французской республики), произведен в прапорщики и назначен ротным командиром, а затем (в декабре 1916 г.) уже в чине штабс-капитана назначен начальником учебной команды 59 Сиб. стрелк. полка, в связи с чем Щетинкин и вернулся в Сибирь.

Здесь, в Сибири, застигла его Февральская революция. Когда в декабре 1917 г. большевики начали расформировывать регулярные военные части, Щетинкин оставил военную службу и поселился в Ачинске.

«В Февральскую и Октябрьскую революции я— говорит Щетинкин—никаких активных участий не принимал».

Однако, Октябрьская революция заставила его подвести итоги всей своей предыдущей жизни. Уже империалистическая война, с сопровождающими ее мерзостями, подлостями и жестокостями, убедила его в несостоятельности, гнилости и гиблости самодержавного режима и капиталистического строя, благополучие которых зиждется на костях бесправ-

ных, хищнически эксплоатируемых рабочих и обездоленных крестьян. Теперь Щетинкин видит, что Октябрьская революция окончательно сметает все пережитки самодержавия и безжалостно разрушает капиталистический строй. Видит он, что бывшая царская Россия стала уже пролетарским государством, что у власти стоят рабочие и крестьяне. Видит он также, что недобитый еще враг—военщина, дворянство, капиталисты, помещики—пользуется всемерной поддержкой международного капитализма для того, чтобы свергнуть молодое, не успевшее окрепнуть пролетарское государство и восстановить царский режим, господство капиталистов и помещиков...

Видя все это, Щетинкин решил отдать пролетарскому государству весь остаток своей жизни, все свои силы, свою энергию, свои военные способности и знания. И в марте 1918 г. Щетинкин поступает в Ачинске на советскую службу в качестве начальника уголовного розыска и одновременно вступает членом в большевистскую партию.

Начинается новая полоса в жизни Щетинкина.

Когда чехо-словаки, свергая в Сибири советы, приблизились к Ачинску, совдеп поручил Щетинкину организовать оборону Ачинска и разоружить чехо-словаков. Щетинкин входит в состав военно-революционной тройки и назначается командиром военно-пленных интернационалистов. Однако, выступать тогда против чехо-словаков не пришлось. Чехословаки были прекрасно дисциплинированы и хорошо вооружены, в распоряжении же Щетинкина находилась, по сравнению с численностью чехо-словаков, небольшая плохо вооруженная воинская часть, которая, сознавая свою слабость, не решилась вступать в бой с чехо-словаками. Когда Ачинский совет

пал, Щетинкин скрылся, чтобы не попасть на расправу контрреволюции. Но скрылся он не для того, чтобы по-обывательски благополучно устроиться, а, как настоящий убежденный большевик, для того, чтобы поднять восстание против контрреволюции, чтобы повести решительную борьбу за восстановление совласти. Эта полоса жизни Щетинкина и нашла отражение в его скромных и весьма сжатых воспоминаниях.

К сожалению, Щетинкин в своем очерке почти совершенно не касался весьма интересной и поучительной бытовой стороны жизни партизан[1]). Как настоящий военный, Щетинкин, главным образом, касается походной и боевой жизни партизан, при чем он свое внимание почти исключительно уделяет боевым действиям тех партизанских частей, которые находились под его непосредственным командованием, и тем боям, в которых ему самому пришлось принимать активное участие. Заметим при этом, что своих ачинцев Щетинкин особенно высоко ценил, считая их наиболее стойкой и наиболее боеспособной частью всего партизанского отряда. С такой оценкой канцы, тальцы и манцы, наверно, не согласятся, но Щетинкин и не думал умалять значение этих частей, он просто был теснее связан с ачинцами, а потому больше ценил их, лучше верил в них, как и они лучше верили именно ему. Да и как было ачинцам не верить в боевые способности и таланты Щетинкина, когда он их так мастерски вывел 8 марта 1919 г. из «мышеловки», которую кол-

---

[1]) Эту задачу обещал Сибистпарту выполнить А. Д. Кравченко. Однако, после смерти Кравченко, его воспоминания попали в другие руки. Эти воспоминания так и лежат похороненными в чьих-то портфелях и никак не могут увидеть света.

чаковские генералы устроили, чтобы схватить и перебить весь партизанский отряд. А ведь в то время ачинцы насчитывали каких-то 500 плохо вооруженных и не закаленных еще в сражениях бойцов, тогда как колчаковские генералы имели 3000 солдат. И, наконец, этот переход на соединение с Кравченко! У Щетинкина нехватило достаточно ярких красок, чтобы описать этот поход, как и позднейший, который был сделан уже всей партизанской армией. Тот же, кто знает обстоятельства, при которых ачинцы совершили свой первый поход, и кто знаком с местностью, тот признает, что если изможденный и изголодавшийся отряд мог в зимнюю пору благополучно проделать этот поход, так только потому, что в отряде находились люди стойкие и энергичные, люди, не поддающиеся унынию и панике, люди, способные внушать бодрость и героизм. А среди этих людей руководящее место занимал Щетинкин.

Как видим, ачинцы имели основание верить Щетинкину и они относились к нему с доверием.

Доверием, впрочем, Щетинкин пользовался и со стороны остальных партизан. Это особенно выявилось после свержения колчаковщины, когда партизанское движение потеряло смысл и основание для своего дальнейшего существования, когда ликвидация колчаковских остатков и борьба на других фронтах властно указывали на необходимость расформирования партизанских отрядов и укрепления рядов регулярной Красной армии теми партизанами, которые желают участвовать в дальнейшей борьбе с врагами соввласти.

Не все партизаны сразу усвоили необходимость и целесообразность мероприятия по расформированию партизанских отрядов. Многие почувствовали себя обиженными, а потому и противились. Были,

наконец, и такие партизанские «вожди», которые совершенно не пожелали отказаться от своих былых партизанских прав и полномочий и которые, поэтому, не были даже согласны с формами государственного строительства соввласти. Некоторые из этих последних (Рогов, Новоселов, Лубков) с небольшими группами малокультурных, с толку сбитых приверженцев, предательски выступили даже против соввласти. Щетинкин же был одним из первых, безоговорочно признавших правильными и целесообразными все мероприятия соввласти. Он прилагает все свое влияние для скорейшего и безболезненного разрешения партизанского, так сказать, вопроса. Было ясно, что Щетинкин вполне сознательный и убежденный большевик совершенно освоившийся с задачами советского строительства. Вскоре Сибревком назначил его членом Революционного Трибунала, который судил членов низверженного колчаковского правительства, а по окончании суда, 4 июля, Щетинкин назначен был уполномоченным центральной комиссии по восстановлению разрушенных хозяйств бывшей Енисейской губернии. Состоявшийся в июле 1920 г. первый Ачинский уездный с езд советов избрал Щетинкина товарищем председателя уездного исполкома. Вскоре Щетинкин стал и членом Ачинского укома. Губернский же с'езд советов избрал Щетинкина членом Красноярского губисполкома и делегатом на 8-й Всероссийский С'езд Советов.

Когда соввласть призвала бывших партизан на фронт для борьбы с Врангелем, Щетинкин собрал добровольцев из бывших партизан и выехал на фронт в качестве командира батальона 21 стр. полка, а 27 октября он стал во главе всего 21 полка, которым и командовал до полной ликвидации Врангеля.

Вернувшись в Красноярск. Щетинкин был отозван из армии для административной работы по губернии. Вскоре, по предложению Дальне-Восточного секретариата Коминтерна, Щетинкин назначается начальником экспедиционного отряда для похода в Монголию против бандита барона Унгерна. Поход был выполнен успешно: 19 августа Унгерн был взят в плен. За боевые заслуги и за монгольский поход Реввоенсовет 5 Армии наградил Щетинкина орденом Красного Знамени.

Впоследствии Щетинкин был слушателем военно-академических курсов высшего командного состава, по окончании которых он поступил в распоряжение ОГПУ, которое назначило его на должность начальника штаба войск ГПУ Сибирского пограничного округа и начальником 3 отделения краевого отдела ПП ГПУ по Сибири.

Занимая в разных учреждениях ответственные посты, Щетинкин выделялся своей работоспособностью и исполнительностью. Сослуживцы и подчиненные любили и уважали Щетинкина за его непосредственную прямоту и искренние товарищеские отношения.

Щетинкин много работал также над своим самообразованием.

В 1927 г. правительство Монгольской народной республики предложило Щетинкину занять пост инструктора Государственной Военной Охраны (ГВО). В сентябре того же года Щетинкин выехал в Монголию. Здесь, в Улан-Баторе, столице Монголии, его и застигла смерть. Щетинкин умер 30 сентября 1927 года от паралича сердца.

Тело Щетинкина было перевезено в Новосибирск и 9 октября похоронено на площади возле братской

могилы товарищей, погибших в борьбе с колчаковщиной.

Таков был жизненный путь Щетинкина, такова была его безупречная большевистско-революционная деятельность.

И вполне понятно, если Щетинкин пользовался популярностью у бывших партизан, у рабочих и крестьян Сибири вообще, а также у всей сибирской партийной организации.

В. Вегман

Борьба с колчаковщиной

(Партизанские действия в южной части Енисейской губернии).

1. Организация партизанского движения

В базарный день, когда в Ачинск с'езжается много крестьян, один из милиционеров сообщил приехавшим, что контрразведка составила два списка крестьян, подлежащих «ликвидации». Списки были составлены на крестьян двух деревень—Нагорной и Красновой: по первой сорок человек, по второй—восемнадцать. Естественно, что бывшие на базаре крестьяне, возвратившись домой, об'явили поименованным в списке односельчанам о намерении ачинской контрразведки. В один из списков, между прочим, попал и мой родственник (брат моей жены), проживавший в Красновке, где я скрывался. Этот родственник в тот же день явился в мое убежище и сообщил мне о происшедшем. Я посоветовал ему собрать на совещание те 18 человек, которые были упомянуты в красновском списке. Вечером собрались мы в одном из переулков. Познакомив их с той политической обстановкой, которая создалась в Сибири, я спросил их, что они намерены делать. Все признали, что нет другого выхода, как бежать в тайгу, и согласились, что следует принять меры для самозащиты. Учитывая настроение моих собеседни-

ков, я предложил им присоединиться к организации тов. Марутко.

Тов. Марутко—рабочий Красноярских ж.-д. мастерских, член партии с 1917 года. По поручению Красноярского компарта Марутко организовал в деревне Лапшихе подпольную группу численностью в шестьдесят человек, вооруженных винтовками. Вот к этой-то организации я предложил моим собеседникам примкнуть. Мое предложение было встречено с поспешной готовностью.

Тут же сообщили мне, что контрразведка составила список и на крестьян деревни Нагорное. Условившись, где и когда встретиться, мы разошлись. В ту же ночь я вместе с крестьянином Чемровым поехал в Лапшиху. Ехал я под видом солдата, недавно прибывшего из плена, по фамилии Еремина, крестьянина села Б.-Улуя. В Лапшиху приехал на рассвете. На улице меня окружили мужички, спрашивают: откуда? куда? Сообщаю, что приехал купить сруб. Некто Камоза предложил мне заехать к нему. После короткого, но очень выразительного обмена мнениями по вопросу о действиях белых карательных отрядов, мы открылись друг другу. Я сообщил ему о своем намерении во что бы то ни стало связаться с [illegible]арутко. Тогда Камоза послал [illegible] местной потребительской лавкой [illegible]ановым (Безрукий), который вскоре явился в сопровождении еще одного товарища, оказавшегося секретарем сельской управы, Василием Камоза. Все трое устроили мне испытание, очевидно, не совсем доверяя искренности моего желания. Мною был представлен мандат, который удостоверял, что я действительно состоял при советской власти членом военно-революционной тройки. Особенно убедительна для них была знакомая им

подпись председателя тройки Саросек. Вскоре мы направились к председателю районного комитета подпольной организации т. Столпцу, в избе которого мы застали много народа. Один из моих провожатых пошел к Столпцу и что-то шепнул ему на ухо. Через 15-20 минут Столпец, удалив некоторых мало известных ему крестьян, пригласил меня побеседовать. Я сделал краткий информационный доклад и выразил желание работать в непосредственной связи с Лапшихинской группой. Столпец предложил мне подождать здесь же, куда через два часа должен приехать тов. Марутко.

— У нас сегодня райс'езд,— об'яснил мне Столпец и занялся своими делами.

Приехавший Марутко некоторое время колебался, а затем, под давлением Столпца и еще кое-кого, согласился допустить меня к работе в подпольной группе. Ночью состоялся с'езд, носивший полулегальный характер. Для охраны с'езда были выставлены на окраине села патрули из членов организации. Я сделал на с'езде доклад и предложил присоединить красновских и нагорновских 60 человек к лапшихинской организации. Было внесено постановление выдать мне мандат на организацию двух групп: в Краснов[illegible]рной. В ту же ночь возвратился я в Красновк[illegible]руппу и произвел регистрацию. Мои [illegible]ались полностью: никто не пошел на попятную. [illegible]утру, когда мы уже хотели расходиться, прибыл представитель от деревни Нагорной, который сообщил, что нагорновские мужички не хотят отставать от красновских. Послав представителя в Нагорную с порученьем собрать сход, я через час выехал туда сам и уже к полдню зарегистрировал 150-200 человек нагорновцев, из'явивших желание работать в орга-

низации. У 80 из них имелись охотничьи ружья. Все зарегистрированные, среди которых находились и ветхие старики, обязались помогать деньгами и провиантом. Тут же был организован подушный сбор, который дал около 2000-3000 рублей. Деньги вместе со списком были немедленно отправлены тов. Марутко в Лапшиху. Через день прибыл в Красновку сам Марутко, который поручил мне организовать два близлежащих района. В Секретарке, деревушке в 5 верстах от Красновой, мне удалось подыскать помещение для райкома (в избе одного из моих приятелей, некоего Тельпякова Семена). Затем я в продолжение двух-трех недель раз'езжал под видом плотника по окружным деревушкам и селам, вербуя подходящих ребят и устанавливая явочные пункты.

Держа как-то путь на Еловку, мне пришлось проехать через деревню Турецкую, где я увидел против волостного правления группу арестованных крестьян, которых сопровождали два милиционера. Один из них—старший милиционер волости Захаров—был мне известен, как от'явленный взяточник и самодур. Чтобы не попасться ему на глаза, я обогнул волостное правление и быстро направился в Листвянку, где застал сход, который собрался около мельницы. Не останавливаясь, проезжаю мимо, прямо на хутор, к фельдшеру Пролеско. Не застаю его дома. Он, оказывается, на собрании. Однако, вскоре прибежал взволнованный Пролеско и сообщил мне, что сход постановил немедленно и открыто выступить. Это было как раз в сочельник. Опасаясь возможности преждевременного выступления, я выехал в Стрелку, чтобы предупредить кое-кого из ребят. При в'езде в село мне говорят, что в доме председателя управы находится милиционер Захаров с арестованными крестьянами. Беру двух ребят и напра-

вляюсь к дому председателя. Почти у самого дома к нам под‘ехал сам Захаров. Его обезоружили и взяли под конвой. Затем вскакиваем в избу председателя и командуем: «руки вверх!» Находящиеся в избе, в том числе и младший милиционер, беспрекословно подчинились нашей команде. Младшего милиционера также обезоружили. Я попросил крестьян рассказать, что с ними делала милиция и который из двух «властителей» был наиболее рьян. Оказалось, что крестьян пороли, что спины были еще в свежих рубцах. Крестьяне, однако, просили не наказывать младшего милиционера, который обращался с ними всегда по совести. Просьба их была удовлетворена: младшего милиционера освободили, а старшего, Захарова, тут же за деревней расстреляли.

В тот же день я провел сход, на котором я призывал крестьян примкнуть к организации и готовиться к восстанию.

Вернувшись в Красновку, я распорядился выставить заставу за д. Нагорновой и затем отправился на латышские хутора, где завербовал в организацию еще 9 человек. Когда я вновь вернулся в Красновку, то узнал, что в Лапшихе уже находится карательный отряд белых. О том, что такой отряд направляется в наш район, меня заранее предупредила городская организация, почему я своевременно и отдал распоряжение выставить сильные заставы на всех дорогах, идущих из города в наш тыл. Но, вследствие халатности начальника заставы, крестьяне выпили малую толику по случаю праздника и, бросив пост, разошлись по домам «переспать ночь», как они выражались. В это время карательный отряд и вошел в деревню. Все, однако, успели спастись. Карателям удалось поймать только одного подводчика, который как раз в этот момент провозил (по пору-

чению комитета) через село несколько винтовок и две гранаты. Выпоров большое количество крестьян и немножко пограбив, отряд вернулся в город.

Мне необходимо было выехать на Журавлевский участок для привлечения к участию в восстании крестьян разрозненных латышских хуторов, вследствие чего я на три недели загнал всю организацию в подполье. Во время этой поездки я встретился в Нагорной с тов. Васильевым-Улановым, который был командирован Красноярским губкомом для организации партизанщины. С его приездом работа оживилась. Уланов сообщил мне, что он проехал по всему району, виделся с Марутко и что Марутко выделил отряд, который под командой Красницкого отправился в Тулат. Мы решили проехать через Б.-Улуй в Тулат на соединение с Красницким, по дороге забирали вооруженных повстанцев.

Из Нагорной нас выехало 12 человек, 15 человек присоединилось в Секретарке, 5 человек—в Сучкове. По дороге мы обезоруживали милицию. В одном селе обезоружили офицера, находящегося в отпуску. Через два дня достигли с. Тулут, откуда соединенными силами отправились тайгой через Усть-Ольховку на деревню Конторина, которой заканчивается лесная дорога в тайге. Здесь был тупик и самое удобное место для временной организации тыла. Тут в Конторине нас собралось 90 человек, которые оставили свои дома и семьи и готовы были на все. Здесь же мы произвели выборы комсостава, при чем начальником отряда был выбран Щетинкин, его помощником—Уланов, а начальником хозадмчасти—Марутко. Отряд был разбит на шесть частей по 15 человек в каждой.

На 3 день нашего пребывания в Конторине прибыл Семен Тепляков и сообщил, что в Красновке

орудует карательный отряд, что искали Щетинкина и поркой вынуждали у его жены различные показания. Это случилось приблизительно во второй половине февраля.

2. Первые боевые действия отряда

Начиная с первого дня нашего пребывания в Конторине, к нам со всех сторон стягивались группы добровольцев, так что численность нашего отряда быстро возросла до двухсот человек. Ждать было нечего. Решив действовать, мы выбросились в северную часть уезда и образовали фронт—Конторин, Ольховая, Велико-Княжеское, Тимонино, Стрелка, Красновка, Курбатово, Журавлево, Ладок, Кандат-Томский. Около 30 проц. нашего отряда были вооружены винтовками, а остальные охотничьими ружьями или холодным оружием. В день выступления из Конторина мы провели в Ново-Яловке митинг под лозунгом «Война дворцам, мир хижинам». Начавшийся очень удачно, митинг был, однако, сорван провокационным слухом, что из города на Ново-Еловку идет карательный отряд. Мы немедленно раскинулись цепью и почти бегом помчались на Листвянку навстречу отряду. С Листвянки понеслись на Стрелку. Однако, ни тут, ни там неприятеля не обнаружили. В Листвянке устроили общее собрание, на котором поставили вопрос о дисциплине. Решили установить в отряде железную неумолимую военную дисциплину. Затем распределили отряд по пунктам фронта, который был указан мной выше. В дер. Ольховке, между прочим, с отрядом в 18 человек был оставлен т. Ефременко.

После ряда наших налетов на железнодорожную охрану и полного разгрома дер. Игинки беляки сочли

необходимым принять решительные меры для ликвидации повстанцев (красных партизан). И вот получаем мы от Ефременко сообщение, что в селе Покровском, в 20 верстах от Ольховки на север, появился полк беляков в количестве 600 человек. Я предложил Ефременко предупредить крестьян о возможном набеге карательного отряда и поднять их на самозащиту. Испуганные мужички решили встретить врага кто чем может. Разведка донесла Ефременко, что белые собираются к полночи занять Ольховку, дабы, прорвав наш фронт на этом участке, двинуться затем на Большой Улуй.

Узнав об этом, Ефременко со своим отрядом в 18 человек и двумя сотнями крестьян, вооруженных дрекольями, выступил в 10 часов вечера. Выйдя на дорогу Покровское-Ольховка, Ефременко сам с отрядом отошел вправо от дороги, а крестьян расположил в балке влево, и таким образом ждал противника. Ровно в 12 часов ночи проехал по направлению к Ольховке конный казачий раз'езд, который был пропущен беспрепятственно, а через несколько минут показалась голова идущей колонны, по каковой и был открыт залповый огонь со стороны отряда Ефременко. Голова колонны вместе с руководящим командным составом была уничтожена почти полностью. В панике новобранцы, из которых состоял полк, бросились, мешая строй, бежать по направлению к Покровке. Однако, угрозы и ободряющие крики младших офицеров принудили новобранцев кое-как рассыпаться в цепь и начать отвечать огнем. В этот самый момент крестьянская засада с нестройным криком «ура» ударила им в тыл. Это и решило исход боя. Оставив 30 человек убитыми, около 170 ранеными, много повозок, лошадей и часть оружия, белые убежали. Особенно важным для

нас был захват двадцати тысяч винтовочных патрон. Наши потери выразились в одном убитом, который и был похоронен с большой торжественностью на другой же день после боя.

Через 2 дня я получил сообщение, что предполагается налет 60 человек белых добровольцев на деревню Козловку. Как обычно в таких случаях, я выслал к Козловке свою разведку, которая отправилась под видом возчиков дров. Разведка вскоре донесла, что на ее глазах подводы с пулеметами и добровольцами проехали в Козловку. Не медля ни минуты, мы понеслись туда на лыжах. Окружив Козловку, вошли мы в деревню со стороны огородов и понеслись прямо к избам. Большая часть белых оказалась запертыми в избах. Пошла стрельба в упор и началась рукопашная. Захваченные врасплох, белые выбивали окна, чтобы выбраться на свободу. Они неслись по переулкам и метались из стороны в сторону, стараясь как можно скорее выбраться из засады, чтобы удрать. Удирая, они забирали с собой раненых. Убитых же оставляли лежать. Кто-то из партизан удачно бросил бомбу около неприятельского пулемета. Бомба уничтожила всю пулеметную прислугу.

Этот бой, несмотря на его сравнительную незначительность, имел большое значение. Он поднял настроение крестьян и после него заметно усилился прилив добровольцев в наш отряд. Хорошо вооруженных и готовых к бою солдат мы в общем насчитывали уже 450 человек.

3. Районный с‘езд

Вскоре после козловского боя мы решили созвать в Большом Улуе районный с‘езд. На с‘езд прибыли делегаты от следующих волостей: Покровской, Черно-

реченской, Ново-Еловской, Больше-Улуйской, Ново-Новоселовской, Трудновской, Берелюсской, Милецкой и Петровской. С'езд избрал исполком всего повстанческого района. Помимо избранных делегатов от крестьян района, в состав исполкома вошли я и еще двое от отряда. Работы с'езда протекали в мирной обстановке. С'езд постановил: 1) запретить вывоз каких бы то ни было продуктов в город, 2) установить твердые цены на продукты, а также на рабочие руки, 3) поднять по мере возможности культурный уровень повстанческого района, для чего отделать в Больше-Улуе недостроенный народный дом и организовать сеть школ. Кроме того, было намечено произвести к весне тщательный ремонт грунтовых дорог, починку мостов и т. п.

Наступило затишье—до начала марта. Впрочем, был случай, когда пришлось выступить с отрядом. Дело в том, что село Игинка, лежащее в 7 верстах от Ачинска и носившее характер типичной казачьей слободы, являлось очагом белогвардейщины. Приблизительно в средине февраля игинские казаки произвели расправу над сочувствующими нам крестьянами. Они сожгли четыре хаты, расстреляли двух крестьян, а остальных выгнали из села, взяв отряд и набрав для густоты впечатления около семисот мужицких подвод. Я выехал в дер. Игинку. Под'езжая к ней, я с горы увидел, как в полутора верстах от Игинки чешский эшелон обстреливает мирное село Курбатово. Я бросил отряд и все свои семьсот подвод с горы к Игинке. Увидя нас, чехи быстро уселись в вагоны и поехали в Красноярск. Игинка была нами выжжена до тла, а хлеб, взятый в закромах у казачья, был роздан беднякам соседних сел.

Исполком открыл свои действия и спешил провести в жизнь постановление с'езда. Был нанят спе-

циалист инженер, который составил сметы на ремонт дорог и мостов. Учредили фонд хлебозапаса на случай возможного неурожая. Установили подоходно-прогрессивный налог для более состоятельных крестьян. Административным центром района являлось село Большой Улуй, тогда как оперативный штаб находился в дер. Лапшихе. Председателем исполкома был бедняк крестьянин Держанов, бывший солдат царской армии, а секретарем—Голубятников, правый эсер, мобилизованный нами для работ и не игравший никакой политической роли. Затем в состав президиума входило также несколько человек от отряда, среди них и я.

4. В неприятельском окружении

Приблизительно между 5 и 7 марта красноярские власти решили твердо покончить с нашим фронтом. Были высланы отряды. Один, численностью в 900 человек, вышел из Енисейска, чтобы через Мелецкую управу занять линию Берелюсы-Улуйское. Другой отряд в количестве 800 человек был послан из Ачинска. Третий из Красноярска численностью в 800 человек с двумя орудиями и несколькими пулеметами и четвертый из Томской губернии, численностью в 200 человек при двух пулеметах.

Таким образом, отряд красных партизан оказался окруженным со всех сторон. Первый бой завязался под д. Курбатово, которую нам пришлось оставить, потеряв в бою около 10 человек ранеными и убитыми. Затем бои велись одновременно на всех четырех фронтах.

К 8 марта противник занимал следующее положение: северный отряд в Секретарке, восточный отряд—в Стрелке, южный—в Курбатове и западный—

в 25 верстах к западу от Красновки—в Коробейниковой. Попытка противника прорваться в Красновку успеха не имела. Наш плацдарм умещался в 32 кв. верстах. Настроение было неважное. По ночам стояло зарево от подожженных белыми соседних деревень. Мы все находились в Красновке. Здесь решался вопрос о дальнейшей судьбе нашего отряда. Многие предлагали разойтись по тайге и, таким образом, ликвидировать организацию, но это предложение не встретило сочувствия в массе отряда. Я внес предложение прорываться к Перевалову, к одному из партизанских вождей, который, по слухам, опе-

рировал к юго-западу от Ачинска. Мое предложение было принято единогласно, и мы решили немедленно выступить в прорыв.

В ночь на 8 марта вышли мы на Нагорново, Журавлево, Слопцовку, вышли со всеми своими обозами и тяжелым грузом беженцев-крестьян из осажденной полосы. 200 человек белых занимали село Коробейниково. Придя в Слопцовку, мы выделили отряд из 50 человек под командой т.т. Уланова и Красницкого с заданием произвести налет на Коробейниково и выбить оттуда белых. Задание было выполнено. Было взято в плен 60 человек с винтовками, захвачено тридцать тысяч патронов. Белые бежали.

Предчувствуя всю трудность дальнейшего похода через тайгу, мы устроили в Коробейникове митинг, на котором удалось убедить беженцев, что, идя с нами, они совершенно не гарантированы от того, чтобы не попасть в беду, но зато, вследствие громоздкости их обозов, могут служить причиной полнейшей неудачи нашего предприятия. Только часть беженцев, наиболее верных и стойких, что-то около 20-30 подвод, остались с нами, остальные же решили возвратиться на места своего жительства.

Перед нами встала задача: как и где перейти железнодорожную линию Красноярск—Ачинск. Мы наметили ст. Критово, что в 30 верстах к западу от Ачинска. По нашим сведениям, там находились два белых бронепоезда, охранявших путь. Отряд, выделенный под командой Корюкина, произвел ночью шумную демонстрацию на станции Критово, в результате чего один бронепоезд ушел на Боготол, а другой на Красноярск. Мы перешли путь и вышли на село Красноreченское. Сделав в Краснореченске

нажим на председателя управы, мы добыли до двух тысяч подвод, что значительно облегчало наш дальнейший путь. Наш отряд теперь насчитывал уже не 450 человек, а только 350, так как около 100 человек латышей рассосались по селам и хуторам во время пути.

Наш маршрут был следующий: Алтат, Ельник, Березовское. В Березовском мы встретились с разведкой карательного отряда капитана Сотникова, шедшего со стороны Итата или Тяжина и имевшего своей целью перерезать нам путь с запада. В результате стычки мы забрали в плен 20 солдат и одного офицера. Отправились дальше следующими этапами: Никольское—Шараповское—Парная—Божья—Озерская—Учумская (здесь показалась разведка белых с Ужура, но быстро скрылась без потерь)—Копьево—Чулым—Марьясово, улусы: Просенков, Барандат, Светлолобово, Карелиново.

На протяжении всего этого пути мы разоружали милицию и захватывали почтовые отделения и вообще все правительственные органы на местах. Отношение населения к нам было большей частью лойяльное. Видя, что мы беспрерывно двигаемся к какой-то своей определенной цели и не собираемся закреплять за собой то или иное селение, крестьяне, естественно, не решались открыто проявлять признаки симпатии к нам.

В Алтате к нам присоединилось 7 человек, бывших перезаловских партизан, которые и сообщили нам печальную весть о ликвидации Переваловского отряда. Перед нами встал вопрос, куда же идти, от кого можно ждать помощи? Имелись непроверенные слухи, что в Канском уезде, за рекой Маной, оперирует повстанческая армия т. Кравченко. Мы ре-

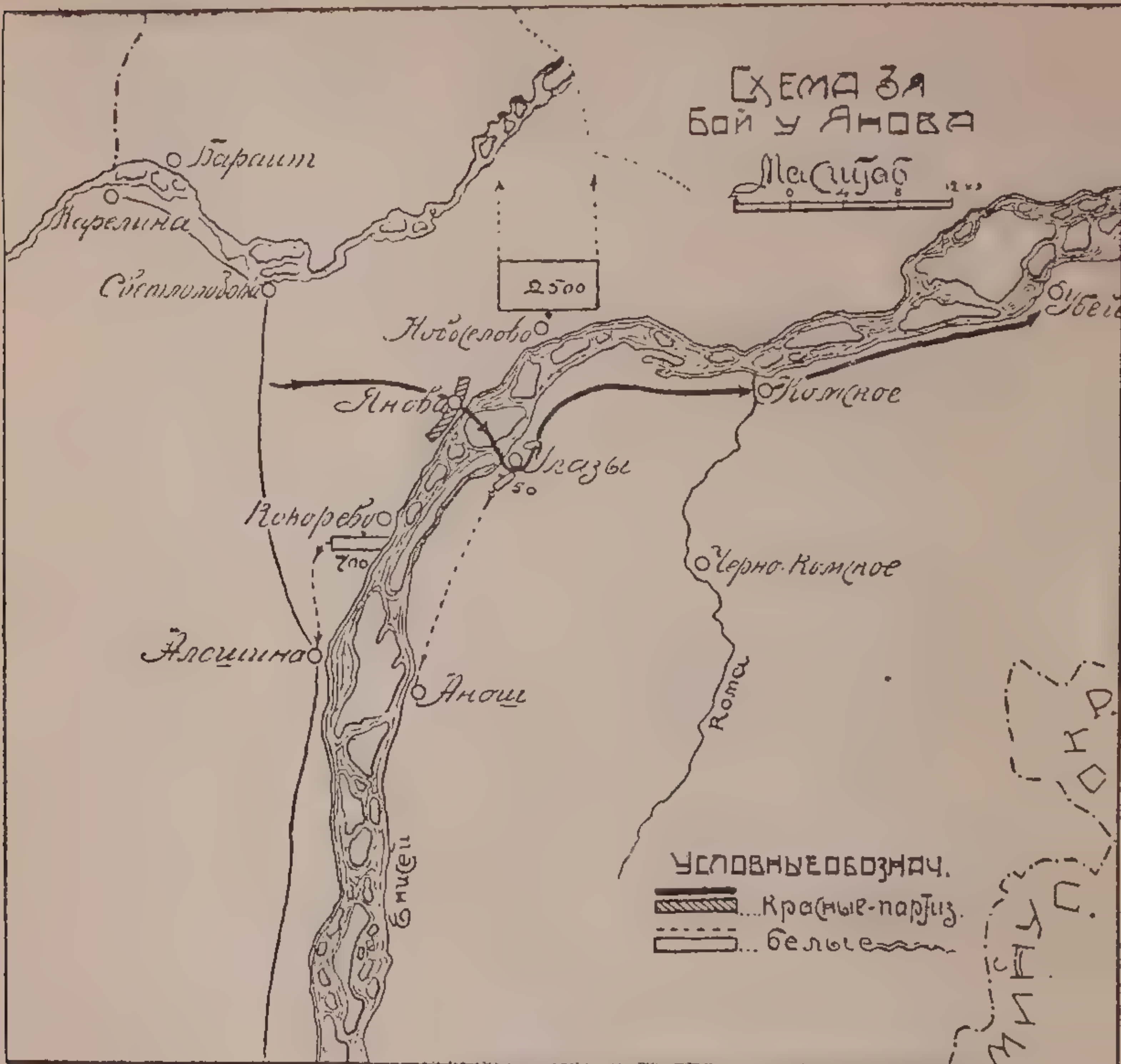
шили пойти на соединение с ним. Установив по карте надлежащий маршрут, мы выступили на Степной Баджей. Преследуемые по пятам отрядом капитана Сотникова, мы 6 апреля (25 марта старого стиля) пришли в дер. Яново.

5. Бой у Янова

Не успела еще головная часть колонны втянуться в село, как в арьергарде завязался бой с передовыми частями наседавшего отряда белых.

Расположение противника вокруг Янова было следующее: в 5 верстах к северу от Янова, в Новоселове, отряд численностью в 2500 человек; в 7 верстах к югу от Янова, в селе Кокорево—700 человек минусинской дружины; к юго-востоку от Янова, в селе Улазы—казачья застава в 50 человек. Когда под деревней Яново у нас завязался бой с отрядом Сотникова, то северный Новоселовский отряд белых, по совершенно неизвестной причине, отошел на 15-20 верст к северу. Минусинская же дружина, услышав гром развернувшегося боя, в свою очередь отошла верст на 50 в сторону Минусинска. Отступление этих двух отрядов развязало нам руки.

Бой с Сотниковым длился около 6 часов и закончился в нашу пользу: белые понесли громадные потери и отошли. Казачья же засада еще в начале боя была легко рассеяна нашими подводчиками. Путь отхода был свободен, и мы отправились на Улазы, с Улазов на Комы и уже оттуда прошли без помехи до села Покровского, последнего населенного пункта перед тайгой.

Отдохнув в Покровском день, мы двинулись в тайгу. Поднимаясь на гору, мы видели, как Сотников, занимает Кижар. В погоню он, однако, не пустился.

На обстоятельную подготовку к таежному походу времени не было. Побросав наспех все наиболее стеснявшее нас, мы прошли по тайге до прииска

Карачинского. На прииске мы нашли много продовольствия, очевидно, заготовленного для приисковых рабочих. Хозяин прииска, опасаясь, вероятно, за свой продовольственный запас, советовал нам не пускаться в это время года в путь по бездорожной тайге. Мы его совета не послушали. Послав вперед одну роту для утаптывания дороги, отряд на другой же день двинулся через тайгу к Степному Баджею, предварительно выслав вперед лыжный отряд для предупреждения т. Кравченко о нашем появлении с тыла его республики.

6. Об'единение с партизанскими отрядами Кравченко

17 (4) апреля, после пятидневного похода через стоверстную бездорожную тайгу, на первых хуторах Степнобаджейской волости нас встретил с ротой партизан Иван Боган, привезший нам хлеб от имени Кравченко. Рота была в полном вооружении. В отряде были и пулеметы.

В тот же день я увиделся с самим Кравченко, после чего, вернувшись к отряду, еще стоявшему на хуторах, устроил собрание бойцов[1]).

На собрании было постановлено: переименовать отряд «Крестьянский отряд» в «Северо-Ачинский партизанский полк», в соответствии с чем отряд был переформирован по ротам и батальонам. Были назначены и перевыборы командного состава. Комполка избрали Щетинкина, помощником—Уланова. Раненых сдали в лазарет Степного Баджея, а день-

[1]) См. приложение № 1.

ги и имущество в кассу об'единенного совета. Беженцы же, пришедшие с нами, поступили в распоряжение Армсовета, в качестве рабочих по той или другой специальности.

20 (7) апреля, после трехдневного отдыха, мы выбросились, по предложению Армсовета, в село Семеновку, отстоящую в 7 верстах от линии железной дороги «Клюквенная—Коморчака». В течение периода от 20 (7) апреля по 26 (13) мая никаких особых крупных столкновений с противником не происходило. Наши действия выражались в том, что полк неоднократно выходил на линию, чтобы забирать те или другие снабженческие эшелоны противника и разрушать железнодорожный путь. Один раз мне самому пришлось заходить с ротой и спустить под откос бронепоезд белых. Между прочим, за время стоянки в Семеновке нам удалось налетами захватить у белых около 2000 пудов хлеба и два вагона масла.

7. Наступление чехов, итальянцев и других

Около 26 (13) мая соединенные силы чехов, итальянцев и других союзников повели наступление на село Верхней Урки в районе Савицкого. Последний запросил у Армсовета и штаба подкрепления, каковое и было послано ему в количестве одного батальона северо-ачинцев. Посылая именно этот батальон, Армсовет и Кравченко, очевидно, учитывали боеспособность ачинцев, которые своим переходом и боями в Ачинском уезде доказали свою революционную стойкость.

26 (13) мая я получил предписание от Армсовета оставить Семеновку в тот же день в 4 часа дня. Я ответил, что в один день не могу вывезти заготовленный нами хлеб, и сам выехал в Кайлык для личных переговоров в штабе, но там мне вручили письменное предписание обязательно к 5 часам вечера отступить от Семеновки. Делать было нечего. Вернувшись в Семеновку, я приступил к выполнению предписания.

Отход, однако, пришлось оттянуть до 10 часов вечера, ибо раньше никак не удалось собрать подводы для вывоза запасенного хлеба, а к этому времени они поспели. Дело в том, что началось наступление противника со стороны хутора Полуказарного. Крестьяне, находящиеся на полях, заметили цепи белых и бросились бежать с подводами в Семеновку, где я и задержал их. Поставив заставу, я вывез весь хлеб и вышел принимать бой.

В результате незначительного боя, белые отошли на Клюквенную, а я, согласно приказа, на Сухонайское, где и простоял сутки. Как-раз в это время шли ожесточенные бои в районе села Вершина-Рыбинского, где наши отходящие части пытались задержать стремительное движение противника к Степному Баджею. Из Сухонайского прихожу в Солнечно-Талое, где встречаю остатки канцев, отходящих на Ушканку. Остаюсь прикрывающим и двигаюсь вслед за канцами на Ушканку—конечный пункт нашего пребывания за Маной. Побросав все, что стесняло наше движение, мы на вторые сутки втянулись в тайгу. Пройдя 40-50 верст малопроходимой тропой, подошли на второй день к деревне Кой на берегу Маны. Переправившись через реку и сняв за собой паром, мы расположились на берегу

реки, начиная от поселка Голубева, что против Тюлюпа, вплоть до хутора Кравченки. Здесь произошел один из знаменательных боев того периода.

Получив через своих разведчиков сведения, что батальон чехов продвигается по берегу Маны, держа путь на Нарву, мы расположились в скалах на другом берегу очень узкой в этом месте Маны. Ничего неподозревающий противник двигался колонной, имея в левой стороне реку, а с правой отвесные скалы. Подпустив чехов к Нарве, мы открыли на близком расстоянии истребительный и меткий огонь. Совершенно обезумев от неожиданности, чехи сперва сбились в беспорядке в кучу, а затем, бросая оружие и обозы, бросились бежать. В этом бою мы захватили шесть пулеметов и одно орудие Маклена, которое впоследствии было зарыто в землю за отсутствием снарядов.

До второй половины мая противник не нажимал на нас, очевидно, стягивая нужные силы.

В конце мая я взял Канский полк и переправился с ним ночью на другую сторону Маны, где занял один из мелких поселков—д. Лейбу, между Нарвой и Унгутом, собираясь произвести налет на Унгут. Но канцы почему-то уперлись и идти дальше не согласились. Вернувшись обратно, я взял на другой день баталион Северо-Ачинского полка, с которым переправился через реку и подошел к Унгуту. Произведенной разведкой было установлено, что в Унгуте расположился отряд чехо-итальянцев в количестве трехсот человек. Окружив деревню и оставив свободными только две дороги, а именно, Мокро-Базайскую и Кияйскую, я послал засады на обе эти дороги с таким расчетом, что если бы противник, вырвавшись из моего кольца, бежал, то на той или на

другой дороге он так или иначе был бы уничтожен засадами. На Мокро-Базайскую дорогу были посланы Марченко Иван, а на Кияйскую—Боган. С рассветом Унгут был занят мною. Противник, как я и рассчитывал, бежал по одной из указанных дорог. Заняв Унгут, я стал ожидать донесения от засад.

Уже взошло солнце, когда я увидел Богана, бегущего ко мне. Спрашиваю: «ты с дороги? как? удалось?».

— Нет, я из деревушки Лейбы, пришел для связи.

Оказывается, он отошел от дороги в близлежащую деревушку и пропустил противника. Через некоторое время прибыл и Марченко. Оказывается, он тоже не попал на дорогу. Таким образом выпустили мы белогвардейцев.

На второй день после этой неудачи, числа 20 мая, Уланов с несколькими партизанами отправился из Унгута, где мы стояли, в Мокро-Базайское за табаком, который весь вышел. По дороге, не доезжая до Базайского, они увидели колонну бело-итальянцев, идущую в Унгут. Ульянов, расположившись цепью поперек дороги, послал ко мне конного с донесением, а сам тем временем начал энергичную перестрелку с авангардом итальянцев. Уланову немедленно дали распоряжение понемногу отходить к Унгуту, задерживая противника по мере сил. Я же развернул свой отряд около Унгута, при чем один баталион занял участок левее Унгута, второй—вправо от него, я же с частью бойцов остался в селе.

Бой начался в 11-м часу утра. Итальянцы были без шинелей, налегке. Они почти бегом подошли к нашему расположению, где и были встречены огнем. После четырехчасового боя я получил от Кравченко

распоряжение отойти к реке, так как в противном случае я рискую быть отрезанным от переправы. Пришлось бросить бой и отходить от Унгута. Итальянцы, очевидо, не вполне уверенные в своих силах, не преследовали нас. Досаднее всего, что никакая непосредственная опасность быть отрезанными нам не угрожала.

Через некоторое время противник сконцентрировал свои силы и повел серьезное наступление на линию наших частей. Около хутора Кравченко белые попытались переправить две роты через реку, очевидно, с целью глубокой разведки. Им дали перейти на нашу сторону, а затем мы быстрым натиском опрокинули их в реку и уничтожили полностью. Вскоре после этого противнику все-таки удалось переправиться через реку. Переправился он в нескольких местах сразу и заставил нас после усиленных боев отойти на деревню Орешное. Борьба за этот участок велась с 27 (14) мая по 25 (12) июня.

8. Отступление от Степного Баджея

25 (12) же июня началось наше отступление от Степного Баджея.

Тыловым частям и учреждениям было заранее, за несколько дней до 25 июня, дано распоряжение свернуться и быть готовыми к отходу. В виду предстоящего неимоверно трудного перехода по бездорожной тайге, встал вопрос о перевозке лазарета. Решено было вывезти всех раненых. С Баджея мы уходили без какого бы то ни было непосредственного давления со стороны противника. Очевидно, бе-

лое командование опасалось засад с нашей стороны. До села Выезжее с нами ехали подводы, затем пришлось заменить подводы вьюками и конными носилками для раненых.

Пройдя день по течению реки Крола, мы подошли к вечеру к Жайме, где устроили привал. На Жайме мы простояли двое суток, отдыхая и подготовляясь к предстоящему пути. Там мы схоронили дорогого нам т. Безотечества, умершего от ран. А на следующий день созвали общее собрание, на котором подсчитали наличный состав армии и переизбрали комсостав. Установили, что у нас имеется 1150 человек бойцов и 200 человек невооруженных. Из последних тут же сформировали рабочий баталион. Выяснили также, что части т. Савицкого полностью отрезаны и находятся на той стороне Маны. Ачинский полк, вместе со своим командиром Стародубцевым, тоже оставил нас, ушел неизвестно куда. Кроме того, многие латыши, уроженцы Степно-Баджейской волости, разошлись по домам, не желая бросать хозяйств.

Что касается выборов комсостава, то они дали следующий результат: главнокомандующим—Кравченко, а помощником главнокомандующего—Щетинкин. Собрание постановило также, что члены об'единенного совета автоматически входят на правах членов в состав Армейского совета.

28 (15) июня снялись мы с р. Жаймы и углубились в тайгу. Я не буду останавливаться на подробном описании всех перипетий этого ужасного пути. Я надеюсь, что другие товарищи в своих описаниях восполнят этот пробел моего очерка. Скажу только, что мы шли через скалы, переваливали через хребты, перепрявлялись через горные потоки, переносили муки голода и жажды, в одном месте нас захватил да-

же таежный пожар, из которого мы еле-еле вырвались, и т. д. и т. п. Как бы то ни было, но 2 июля достигли мы деревни Козино и Мигун, т.-е. вышли в Минусинский уезд, попали в совершенно другой мир. Плодородный и хлебосольный Минусинский уезд встретил нас радушно, приветливо.

Наше дальнейшее движение происходило по следующему маршруту: Отрокское, Идринское, Детлово, Шалаболино, Курагино. В Шалаболине мы сделали первую попытку переправиться через Тубу, имея намерение оттуда двинуться на Минусинск, но эта попытка окончилась неудачей. Находящаяся на другой стороне, под командой поручика Занина, Минусинская дружина открыла огонь по нашим частям. Мы вынуждены были отказаться от переправы, потеряв при этом двух-трех человек ранеными. Решили идти окружным путем на Верхний Кужебар через Климовскую Тамбовку. На Кужебаре у местечка Ширıштык мы беспрепятственно переправились на другую сторону реки.

Не мешает заметить, что мысль о наступлении на Минусинск в тот период вообще не встречала особенно поддержки со стороны партизанских масс. Мне лично также казалось бессмысленным намерение переправиться у Шалаболина. Я находил, что нам оттуда не удастся занять город с нашей малочисленной и полуразбитой армией. В командном составе армии, надо это сказать прямо, возникали иногда не малые разногласия по вопросу о маршруте. Командующий и многие члены штаба были склонны образовать тут же, в пределах уезда, партизанский фронт, сделав Минусинск основной базой и резиденцией партизанщины. Я же полагал более целесообразным идти через Монголию к Туркестану, на соединение с находящимися там советскими войсками.

Город Верный—вот тот пункт, который, по моему мнению, должен быть конечной целью нашего похода. После неудавшейся переправы у Шалаболина и под непосредственным впечатлением безразличного тогда отношения крестьян к партизанской идее, мой план волей-неволей оставался единственным выходом из положения. Было, поэтому, решено двигаться через Минусинский уезд на Урянхай, в местность, лежащую в пределах Монголии.

9. Бой с неприятелем на пути в Монголию

После переправы на Кужебаре мы, после небольшой перестрелки, заняли с. Монгорское и с. Каратуз, при чем в последнем, во время нашей ночевки, вспыхнул пожар, который нам с трудом удалось ликвидировать. Из Каратуза двигались мы кругом Минусинска через Дубенское, Тигрицкое, Ермаковское и Салбу. Это было в последних числах июня. К этому времени настроение нашего штаба, между тем, опять переменилось в сторону желательности удара на Минусинск. Имелись сведения, что атаман Бологов стоял со своим отрядом около города и что силы его не особенно значительны. В Жеблахте у нас было маленькое совещание с Кравченко, на котором решили идти на Минусинск, пустив усиленную разведку вперед. Было отдано распоряжение лазаретам и обозу отойти на село Григорьевку, дабы обеспечить их от риска быть захваченными.

Из Жеблахты я отправился с полком в село Козлово. Мы были уже около самой поскотины села, как услышали выстрелы. Разведка донесла, что в Козлове белые. Выбив с одной ротой противника, мы расположились в селе. Противник, получив, очевидно, свежее подкрепление, начал артиллерийским огнем

обстреливать наше расположение в Козлове и нажимать на нас. Развертываю один баталион, затем второй и никак не могу растянуть свою линию до Енисея, чтобы иметь гарантию от обхода с левого фланга. Развертываю дополнительно кавалерийские части и все же покрываю линию только до Казанцева. Тогда я с третьей ротой занимаю Казанцево.

Винтовочный и орудийный огонь противника заставляет нас, между тем, проявлять максимум усилий, дабы удержаться на занятых позициях. Когда белые демонстрировали с правого фланга кавалерийский заход в тыл, то батальон, находившийся там, отошел без связи на Ермаковское. В образовавшийся прорыв начала вливаться казачья кавалерия. Под ее напором первая и вторая роты первого батальона стали отходить на Шушенское. Я же с третьей ротой продолжал оставаться в Казанцево, имея еще редкую кавалерию на Енисее. Учитывая создавшуюся опасность, я с третьей ротой и кавалерией тоже отошел на Шушенское, где соединился со второй ротой и первой. Из Шушенского весь отряд отправился в Каптырево, куда пришли ночью и где сделали передышку. Из Каптырева я отправил эскадрон в 50 человек конных в Субботино на соединение с главными силами Кравченко, а находящийся при мне батальон послал прямым путем на Раз'езжее. Сам же с частью отряда остановился в деревушке Покровское, намереваясь перехватить плот с пленными монголами, которых белые захватили в Белоцарске.

По моим сведениям, белые должны были доставить пленных по течению реки в Минусинск. Для меня было очевидно, что наше движение на Урянхай можно считать совершенно обеспеченным, если только мне удастся отбить пленных монголов. Я

считал, что освобождением пленных мы достигнем благорасположения со стороны монгольского правительства. Но оказалось, что плот прошел за несколько часов до моего прихода в Покровское. Делать было нечего, и я направился вместе с отрядиком на Субботино—Раз'езжее—Салба, где рассчитывал соединиться со своими частями. Однако, ни в одном из перечисленных пунктов я своих частей не нашел. С Ермаковским тоже никакой связи нет. Создалось тягостное положение, ибо я не имел представления о том, куда двигаться. Я даже не знал, целы ли вообще мои ушедшие ранее части. В селе Раз'езжем совершенно неожиданно ко мне присоединился мой батальон, пришедший, как оказалось, из Вознесенского.

В Листвяжной мы нежданно-негадано наткнулись на подводчиков Манского полка, бегущих из Ермаковского. От них я узнал о событиях не столь радостных, сколь забавных. Оказалось, что в Ермаковском произошел бой с отрядом Бологова, который несомненно окончился бы весьма печально для манцев, если бы не обычная трусость и близорукость белых. Дело в том, что, заняв Ермаковское, манцы даже не выставили необходимых дозоров и расположились в селе, как дома. В это время подошел Бологов. Если бы у него было немного более решительности, то манцы несомненно были бы окружены и уничтожены, но Бологов боялся пойти на лобовую атаку. Он прежде всего открыл орудийный огонь по селу, чем и обнаружил свое наступление. Манцы быстро собрали монатки, под обстрелом переправились через реку Ою, и удрали. Удирали они так неорганизованно, что часть подводчиков в совершеннейшей панике прилетели даже в Листвяжную.

Направляясь на соединение с Кравченко, я выслал вперед в Салбу конную разведку под командой Гусева. Только что отъехал Гусев, слышим редкий винтовочный огонь, и через минуту кавалерист, посланный Гусевым, доносит, что белые уже прошли Салбу и что разведка имела стычку с арьергардными пикетами. Мы пошли к Салбе и когда заняли ее, то услышали отдаленный гром орудий в направлении Григорьевки. Как потом выяснилось, это Кравченко принимал под Григорьевкой бой, который нанес отряду некоторые потери, не дав при этом никакого положительного результата. Для меня было очевидно, что путь через Григорьевку так или иначе отрезан, если Кравченко отступил от нее под напором белых. Создалось положение, при котором я, направляясь на Белоцарск, рисковал очутиться в хвосте белых, преследующих Кравченко. Я решил поэтому оставить подводы и пойти тайгой на Минусинско-Усинский тракт в надежде, что там смогу соединиться с отрядом Кравченко. Но после двухдневного пути проводник, не знаю — нарочно или нечаянно, вывел нас к Григорьевке, т.-е. опять в тыл к белым. Установив ошибку, я поворачиваю обратно и на Черной речке, в двух верстах от Григорьевки, обнаруживаю с горы движение обозов противника. С моими силами начинать бой никак не представлялось возможным и поэтому тут же, углубившись в тайгу, мы пошли в глубокий обход с тем, чтобы в конце-концов выйти на тракт впереди белых. В течение суточного перехода мы вышли на 17 версту тракта, где от сторожа станции я узнал, что белые еще не проходили здесь. Очутившись между Кравченко и белыми, мы естественно все усилия свои направили к тому, чтобы поскорее соединиться со своими. Путь был очень трудным. Кравченко, уходя, жег мосты на ущельях

и переправах, и нам приходилось налаживать в высшей степени сложную работу канатной переброски. Так шел я до 81 версты без всякой связи с Кравченко, без боевых запасов, без продовольствия. На 8 версте впервые удалось восстановить телефонную связь с идущими впереди частями. Нам выслали небольшое подкрепление продуктами. А на 125 версте я соединился с Кравченко телефонной связью. Должен, между прочим, сказать, что партизаны моего полка, шедшие с Кравченко, очень трогательно встречали меня около Верхне-Усинска, который взят был без боя и где захватили 400 берданок, около 700 пуд. свинца, много пороха и провианта.

2 августа (20 июля) заняли мы без всякого сопротивления Белоцарск. Стоявший там маленький отряд белых рассеялся за несколько дней до нашего прихода. В Белоцарске тоже обнаружили пудов 60 пороха и кое-какое военное снаряжение.

Белоцарск, который был основан в 1913 г., как опорный пункт для предполагавшейся в то время колонизации Монголии, расположен на берегу Енисея и производил впечатление даже не села, а маленькой деревушки. Всего в Белоцарске 45-50 домов, в которых мы кое-как разместили части и лазарет. Сделав это, мы приступили к заготовке провианта и фуража по окрестным селениям.

Тут надо упомянуть про неудачную экскурсию Манского полка. Манский полк был оставлен в Усинске для того, чтобы прикрыть наш тыл и задержать идущего к Белоцарску Бологова. Вместо выполнения своих прямых задач, манцы углубились в реквизиторскую и всякую другую деятельность и прозевали Бологова. Бологов же, пройдя с Григорьевского тракта прямой тропой на Белоцарский тракт, тем самым отрезал Манскому полку путь отхода к горо-

ду. Когда стало известно, что манцы отрезаны, на помощь им был выслан Канский полк в селе Туран с тем, чтобы, завязав с Бологовым бой, дать возможность манцам выйти из ловушки Пока Канский полк шел к Турану и пока он собирался выручать манцев, последние сами явились, ободранные и измученные, сделав адски-трудный переход круговым путем по реке Ус до Енисея и по Енисею до Белоцарска.

Канцы, вернувшись, донесли, что Бологов с очень крупными силами занял Туран, где, не торопясь, занимается обучением новобранцев и всякой другой подготовкой. Перед нами вставали задачи: во-первых, укрепить город на случай наступления Бологова; во-вторых, поставить дело снабжения нашей армии пищевыми продуктами на должную высоту и, в третьих, решить все тот же столь надоевший вопрос о дальнейшем движении армии.

10. В Белоцарске

В первые дни нашего пребывания в Белоцарске наша разведка наткнулась на монгольский лагерь, неизвестно когда и почему расположенный недалеко от Белоцарска. Узнав об этом, мы послали в лагерь своих представителей, а затем я и Кравченко сами отправились туда. Это оказался отряд монгольских войск под командой нойона Хатон-Батор-Вана. Приняли нас превосходно и, узнав через переводчиков о наших целях, заверили нас, что борьба с белыми для них так же важна, как и для нас, и даже свое выступление об'ясняли не иначе, как мерой предосторожности против возможного вторжения белогвардейцев в Монголию. Одним словом, благожелательность сразу легла в основу наших взаимоотношений

с монголами. Мы подарили Хатон-Батор-Вану замечательную новую пролетку, от которой, после небольшой и тряской поездки по кочкам, князь был в большом восторге. Мы же с Кравченко получили в подарок по хорошей лошади.

В один из визитов мы попросили у Хатон-Батор-Вана принципиального разрешения на продвижение нашей армии, если к тому представится нужда, через Монголию. Хатон-Батор-Ван ответил, что сам он этого вопроса разрешить не может, а вот, мол, если, нам угодно, то он согласен переслать нашу просьбу в Ургу. Сказано—сделано. Тут же была составлена соответствующая грамота за многими подписями и вручена осторожно нойону.

Предугадывая, однако, возможность боя с Бологовым, мы также попросили разрешения перевести наш лазарет из Белоцарска в русскую колонию—В.-Никольское, расположенную у подошвы Танну-хребта. Посовещавшись со своими сойот-нойонами, Хатон-Батор-Ван нам это разрешил.

За время нашего пребывания в Белоцарске мы успели выстроить окопы по всем правилам саперного искусства, даже с гнездами для пулеметов. Окопами окружили мы город со стороны Турана. Тут же в городе была заново устроена лаборатория для начинки бомб и патронов. Кроме того, все время велась заготовка пищевых продуктов и фуража.

Танну-Тува—страна, в которой расположен Белоцарск, оказалась на редкость богатым краем. Коренное население Танну-Тувы — сойоты —занимаются скотоводством, охотой и хлебопашеством. Для всего этого природа создала здесь идеальные условия. Долины, защищенные от северных ветров цепью гор, обильно оро-

шены и редко заселены. Каждое поселение производит впечатление богатейшей экономии. Кое-где разбросаны русские колонии. Между сойотами и колонистами издавна ведутся неприятные споры и раздоры из-за пастбищ и по многим другим причинам.

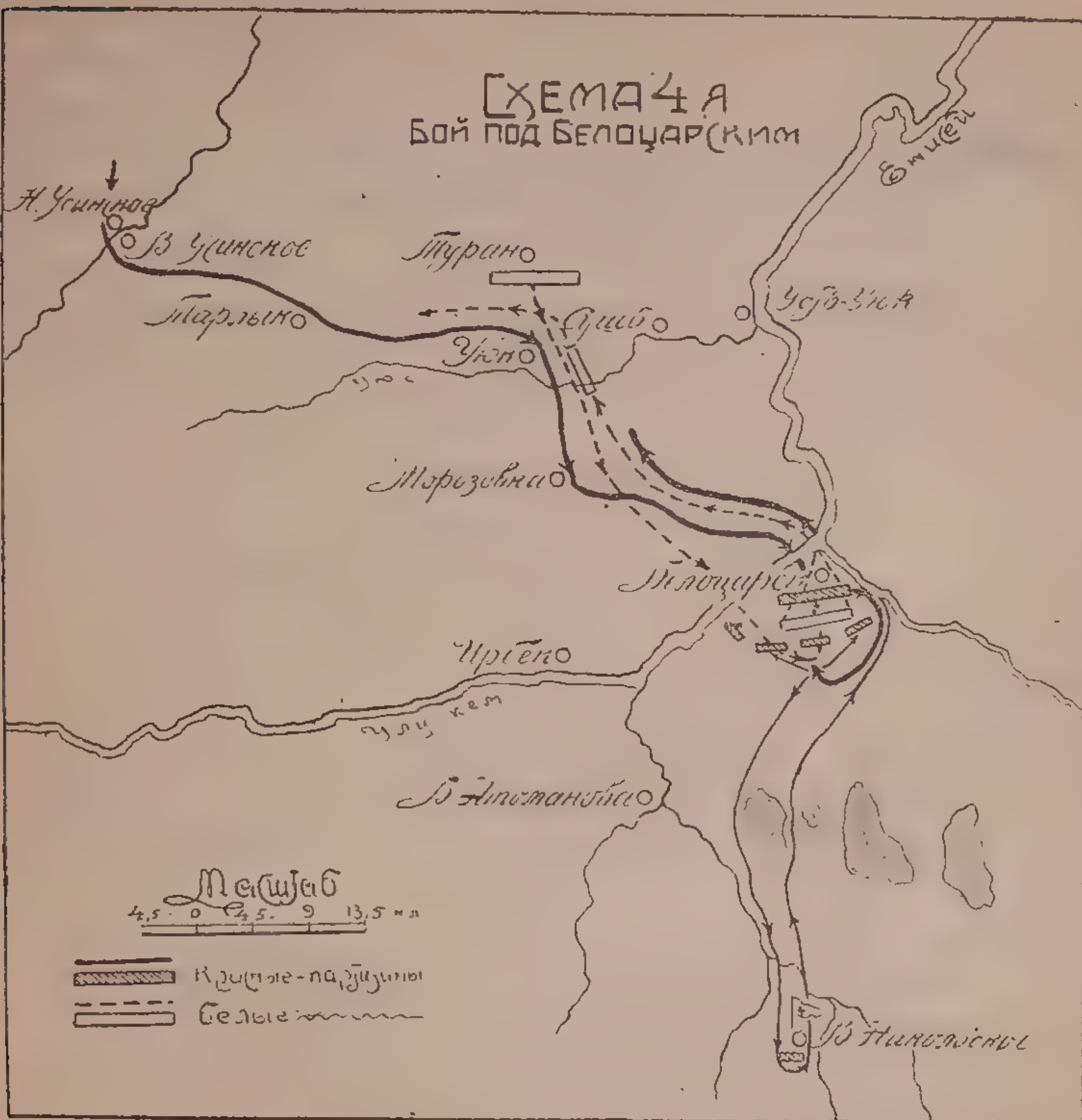
Оставив в Белоцарске 500-600 человек строевиксв, мы разместили остальные части по окрестным селениям. Лазарет перевели в Верхне-Никольское. Там же находилось все наше ценное имущество и одна рота для охраны.

11. Белоцарский бой

15 августа Бологов, срезав по выгибу Енисея угол, подошел к переправе несколько ниже Белоцарска, т.-е., как-раз против расположения Манского полка. Имея два горных орудия и 14 пулеметов, Бологов открыл огонь по расположению манцев.

После четырехчасового боя манцы, не выдержав огня противника, отошли по направлению Верхне-Никольское, не известив нас о своем отдыхе. Бологов, переправившись через Енисей на заранее приготовленных 43 лодках, двинулся по берегу к Белоцарску.

Совершенно случайно я был осведомлен о его движении одним из партизан, посланным для связи с Манским полком. Немедленно мною был выслан навстречу Бологову батальон Тальского полка с заданием установить силы противника и, если представится возможным, задержать его продвижение на Белоцарск. Одновременно были приведены в боевую готовность части, находящиеся в Белоцарске. Как

впоследствии оказалось, тальцы, установив трехтысячную численность отряда белых, не пошли им в лоб, а, отойдя в горы, пропустили Бологова к Белоцарску, оставшись, таким образом, у него в тылу. Мы же расположили свои силы полукругом около Белоцарска с таким расчетом, чтобы не дать противнику прорваться в город.

Проходит час—от тальцев нет сведений. Высылаю две роты Канского полка, а через некоторое время и часть кавалерии. Однако, никаких сведений не получаю. Вдруг в поле нашего зрения показываются цепи Бологова, которые растягиваются полукругом, чтобы замкнуть город мертвой петлей.

Окопы у нас были заранее приготовлены, имелось у нас восемь пулеметов. Нехватало только частей для того, чтобы прикрыть незначительный участок на нашем левом фланге. Чувствуя, что под напором превосходных сил противника будет трудно удержаться в городе, я начинаю постепенно, под огнем неприятельских цепей, выводить войска в этот участочек фронта, не закрытый ни нами, ни Бологовым. В это время услышали мы ожесточенную стрельбу где-то в тылу у противника.

Выводя свои части, я приказываю цепи двигаться по направлению этого огня и установить связь с нашими частями, ведущими бой в тылу у Бологова. Через некоторое время мне передают по цепи, что посланные настречу Бологову тальцы и канцы, оставшись в тылу у противника, прошли на место переправы Бологова, прорубили лодки, находящиеся там, и, пустив их по течению Енисея, ударили в тыл бологовскому отряду.

Пока мы вытягиваемся из Белоцарска, цепи противника занимают город и, таким образом, в свою очередь остаются как бы окруженными нашими частями.

Было 16 августа. Вечерело. Небо покрыто тучами. Изредка полыхают зарницы.

Наше положение отличалось крайней неопределенностью: с одной стороны, противник настолько превышал нас численностью, что думать об ударе в

лоб было трудно, а с другой стороны, представлялся удобный случай опрокинуть неприятеля в Енисей. Командный состав, учитывая исключительность положения, а также повышенное настроение бойцов, после короткого совещания решил атаковать Бологова. И вот в уже наступившей темноте, изредка разрываемой блесками молнии, наши цепи с громким «ура»! пошли в атаку. Бой носил исключительно ожесточенный характер. Ураганный огонь пулеметов, орудий и винтовок заглушал раскаты грома. Крики раненых и «ура» с обеих сторон, торопливая команда, грохот орудий и треск пулеметов—все это создавало в мрачной обстановке монгольских скал страшную картину. Сознавая, что в случае неудачи пощады быть не может, бойцы проявляли неимоверную храбрость. Бой был упорный, многочасовой. Порой дело принимало характер рукопашного боя.

Белые, наконец, не выдержали и бросились к реке, пытаясь переправиться вплавь через быстро несущийся мутный Енисей. Бологову вместе с 80 человеками удалось переплыть Енисей и бежать, остальная же часть его отряда погибла в бою. Многие были захвачены в плен.

На рассвете 17 августа нашим глазам представилась следующая картина: берег усеян большим количеством трупов, павших в бою, а в прибрежных скалах и камнях валяются утонувшие при попытке переплыть Енисей. По подсчету оказалось, что одними убитыми Бологов оставил около пятисот человек. Двести восемьдесят три человека было взято нами в плен. Часть пленных была тут же расстреляна, как непримиримый элемент.

Наши трофеи выразились в двух орудиях, семистах снарядов, двух тысячах винтовок, около пятисот тысяч патронов и тринадцати пулеметов. Поте-

ри, понесенные нами: тридцать семь убитых и сорок четыре раненых, итого восемьдесят один человек выбыли из строя.

По полученным сведениям, Бологов бежал по Усинскому тракту. Преследовать его мы не нашли нужным. Была только послана разведка в Уюк. Забавно, что, заняв Белоцарск, молодой есаул Бологов поспешил сообщить в Минусинск о занятии им Белоцарска и бегстве банд Кравченко и Щетинкина. Не ожидал, очевидно, доблестный атаман такого неприятного исхода для своей экспедиции.

На другой день после боя к нам явился Хатон-Батор-Ван с из'явлением всяческого восхищения перед храбростью красных войск. Он, по его словам, наблюдал за всеми моментами боя с какой-то близлежащей сопки.

— Хорошо дрался,—сказал он мне и Кравченко,—здорово хорошо дрался, я видел.

В знак величайшего благоволения он поднес нам куски жженого сахара (род леденца), обернутые в шелковые ткани. Нет, однако, сомнений, что монгольский дипломат, в случае нашего поражения под Белоцарском, первый же предложил бы свою помощь белогвардейцам для окончательной ликвидации нашего отряда. Но, к счастью, победили мы и, как один из победных трофеев, мы должны были принять эту лесть, как выражение искреннего чувства.

Бологов бежал, путь был свободен и на Минусинск и на Туркестан через Монголию, ибо вместе с знаками покорности Хатон-Батор-Ван доставил нам ответ из Урги от своего правительства, которым нам разрешалось проходить через монгольскую территорию. Надо было решать, что делать дальше. К этому времени мы уже имели сведения, что на Алтае оперируют партизанские отряды Мамонтова, Рогова

и др. Мне казалось теперь, что соединение с ними легче и доступней, чем путь на Верный, как мы предполагали раньше. И эту точку зрения я отстаивал на состоявшемся 20 августа с'езде повстанческой армии и русских жителей занятого нами района.

12. С'езд повстанческой армии

На с'езде возникли быдо серьезные разногласия между нами и Хатон-Батор-Ваном, присутствовавшим там в качестве представителя страны, в область которой мы вторглись. Разногласия возникли по следующему вопросу. Хатон-Батор-Ван от имени своего правительства потребовал, чтобы с нашим уходом, по истечении месяца, была очищена вся левобережная часть Урянхая от всех русских колоний и поселений. Требование, очевидно, исходило из соображений узконационалистического характера. Это был как бы реванш за все те притеснения и обиды, какие причинялись в свое время туземному населению царской колонизаторской политикой. Естественно, что мы, убежденные в том, что рано или поздно советская власть придет сюда и сама установит необходимые дружеские отношения с монголами, считали себя не в праве заняться выселением русских колонистов-крестьян с их хорошо обработанных участков.

— Пусть, говорили мы, этот вопрос разрешит советская власть.

Хатон-Батор-Вану было отказано, при чем его предупредили, что если хоть один русский крестьянин будет выселен, то мы вынуждены будем заставить монголов разделить участь Бологова. После столь твердо поставленного ультиматума Хатон-Батор-Ван от своего требования отказался и согласился

ждать прихода советской власти, которая этот вопрос и урегулирует*).

Вторым стоял на с'езде вопрос о направлении дальнейшего движения армий. И на этот раз столкнулись два течения, до сих пор назревавшие в партизанских массах и их вождях. Я, как уже указывал, стоял теперь за соединение с алтайскими отрядами, Кравченко же и с ним большинство армейского совета и с'езда высказались за немедленное наступление на Минусинск и организацию там базы повстанческого движения.

После долгих споров и пререканий я со с'езда ушел. Вопрос опять повис в воздухе. С'езд не решился взять на себя ответственность вынесения того или другого определенного решения. Возможно, что здесь играла роль та атмосфера напряженности, которая создалась в полках, так как канцы и манцы были почти полностью за линию Кравченко и армейского совета, ачинцы же и тальцы шли за мной.

В конце-концов вопрос этот был решен в порядке частного совещания между мной и Кравченко, на котором я признал возможным поход на Минусинск, но при одном условии: если мы не встретим в Минусинском уезде поддержки со стороны крестьян, то пойдем прямо на соединение с алтайскими партизанскими отрядами. На таком вот компромиссном решении и помирились вожди, а за вождями и массы.

После с'езда начали мы готовиться к походу, распределять оружие по частям, запасать продовольствие, формировать отряды из вновь прибывающих добровольцев-колонистов.

В этот же период подготовки произошло несчастье с пороховым складом и мастерскими. От

*) См. приложение № 2.

искры точильного камня взорвались два пуда пороха. Взрыв разнес мастерскую и тяжело ранил около 10 ч.

После разгрома отряда Бологова все наши военные части, а равно лазарет и имущество были стянуты в Белоцарск.

На месте Белоцарского боя устроили мы братскую могилу партизан, павших в бою.

Оставив Канский и Ачинский полки для защиты города и колоний, мы двумя полками двинулись на Минусинск.

13. Преследование Бологова

Разведка донесла, что остатки Бологовского отряда, человек 80, соединились с высланной им навстречу Минусинской дружиной в 600 чел. и остановились на перекрестке Белоцарского и Усинского трактов. Было решено, что я с тальцами буду нажимать на противника со стороны Белоцарска в лоб, тогда как Кравченко должен окружным путем выйти на 125 версту и отрезать дорогу отходящему под моим напором противнику. Согласно указанного плана, Кравченко с Манским полком пошел в обход. Я же двинулся по Белоцарскому тракту к перекрестку и шел вперед, вплоть до соприкосновения с передовыми частями противника. В этом месте горная река Ус трижды пересекает тракт. Под моим, довольно, правда, легким напором, противник переправился через первую, вторую, а затем и третью переправу. После третьей переправы части белых, ускорив темп отступления, заставили меня подтянуть мою колонну, следующую вдалеке за авангардом, и в свою очередь двигаться быстрей. С одной стороны, неожиданно быстрый отход противника, а с другой—медленность продвижения отряда Крав-

ченко нарушили великолепные планы с заходом в тыл. Я вынужден был идти на плечах у белых. Я прошел 125, 106 и 91 версту. Только на 81 версте догнал меня с тыла конный ординарец, который сообщил, что Кравченко вышел только на 125 версту. Я послал гонца обратно и, не останавливаясь, продолжал двигаться вперед. Лишь на 57 версте разведка заметила на полянке, пересекающей тракт, легкие окопы и цепи противника, расположенные поперек тракта. Здесь, как видно, белые собирались дать нам бой.

Спешив кавалерию, я рассыпаю ее по лесу редкой цепью и приказываю открыть демонстративный огонь по укреплениям белых. В это же время тальцы пошли лесом в глубокий обход с расчетом выйти на тракт в 1½-2 верстах сзади цепей на полянке. Завязалась перестрелка, а через час ушедшие в обход части, маленько промахнувшись, вышли из тайги почти что во фланг белым и с криком «ура!» бросились в атаку. Дружина, не приняв боя, разбежалась по тайге. Часть дружины успела удрать по тракту, а человек 200 долго еще после этого блуждали по тайге и вышли из нее, когда мы находились уже в Минусинске. Но это произошло позднее, в первых числах сентября.

Рассеяв дружинников, мы, наконец, вечером подошли к 17 версте, где увидели станционное помещение—сторожку. Так как в это время полил дождь, то мы, естественно, предпочитали иметь крышу над головой. Когда же мы вошли в сторожку, то увидели, что здесь трогательно разместились разогнанные нами храбрые дружинники. Ну, что ж? 50 чел. конных партизан выгнали дружинников в тайгу искать себе другое пристанище, а мы, по крайней мере часть нашего отряда, ночевали под крышей. Для

всех места нехватило, ибо станция не была обширна. Утром нас догнал Кравченко, и мы соединенными силами двинулись в Григорьевку, которую заняли без боя. На следующий день я выехал из Григорьевки с 15 кавалеристами по линии Салба, Ермаковское, Жеблохта, Ивановский завод, чтобы произвести глубокую разведку. Поражало, что никто не караулит нас у выходов из тайги.

11 сентября утром, когда я уже занял Ивановский завод, туда прибыл и Кравченко с двумя полками. После маленького отдыха мы вместе двинулись к деревне Казанцевой. Не доезжая Казанцевой, мы получили от крестьян тревожное сообщение, что около Казанцевой—белые, которые хотят впустить нас в село, чтобы ночью разгромить.

Мы поверили крестьянам и, не заходя в Казанцеву, прошли к Думной горе, где и переночевали. Утром, недалеко от Думной, мы наткнулись на расположение белых, поджидавших, очевидно, нас. Тут же наметили план действий—наш обычный партизанский план. Кравченко с отрядом начал шумную, но малоактивную демонстрацию стрельбой, тогда как я с манским полком пошел в обход.

Дело вышло проще, чем мы предполагали. Зайдя в тыл, т.-е. к Даниловскому заводу, я захватил резервные части отряда белых, оказавшиеся новобранческими, и затем уже, когда винтовки были безропотно сложены, несколько человек из пленных побежали вперед предупредить передовые цепи, что драться не стоит, что в тылу уже все сдались. Через час все закончилось, к общему удовольствию, очень весело и оживленно.

Мы, было, думали уже продолжать идти на город, но люди и лошади были страшно утомлены, да и спешить было некуда.

14. Взятие Минусинска

12 сентября нами был занят Даниловский завод. Чувствовалось, что сильного отпора белые дать уже не могут.

Отдохнув на Даниловском заводе, вышли мы вечером на заимку, лежащую в 5 верстах от города. На этой заимке мы ночевали, а утром 13 сентября наши цепи победоносно подползали к городу.

Белые ушли на пароходах, и лишь задержавшиеся кое-где на улицах группы конных казаков вели редкую перестрелку с нашими разведчиками. Затем и казаки ускакали куда-то. Город был наш.

Манский полк, не заходя в город, прямо прошел к селу Городчанскому на Тубе, чтобы задержать и уничтожить уходящие группы белогвардейцев. Мы же, встреченные весьма торжественно жителями, организациями и... даже попами, вошли в Минусинск. Это было 13 сентября. В тот же день провели ряд летучих митингов, самый крупный из которых состоялся на кладбище, где присутствовали и многие подпольные революционеры, вышедшие с нашим приходом из конспиративок.

Белые не успели много вывезти, и мы получили в подарок около 6000 пар валенок, громадное количество овчин для полушубков, продовольствие и т. п. Кроме того, в наше распоряжение попал винный завод и склады спирта. Жители, измученные долгим белогвардейским игом, отнеслись к нам как нельзя лучше. Сыпались предложения жертвовать на нужды армии, являлись добровольцы, жаждущие поскорее получить винтовку и гнать врага дальше и дальше от родного городишка. Да и мы не собирались отдыхать. Нужно было ковать железо, пока горячо,

нужно было гнать сбитого противника, не давая ему передышек. И уже через несколько дней манский полк имел столкновение с противником перед с. Городчанским на реке Тубе, в результате которого было взято 1500 чел. пленных, много оружия и запасов. Манцы потеряли в этом бою 13 чел. убитыми. Убитых привезли в город, и они были торжественно погребены, при чем хоронили так: впереди шли попы с пением церковных напевов, а за ними оркестр и затем бойцы, исполнявшие в свою очередь различные революционные песни. Такова была «политика дня»: на нас смотрело с'ехавшееся из разных сел темное крестьянство, для которого похороны с попами представляли известную гарантию порядочности пришедших в город партизан.

Вскоре занялись мы размещением штабов и различных хозяйственных органов армии.

Каждый час прибывали новые и новые посланцы то от одного, то от другого села с вопросами: «что будет дальше», «что делать» и т. п.

Им отвечали: «поезжайте и скажите пославшим вас, что дальше будет полный разгром белых, что Колчак уже бежит к Тихому океану под напором Красной армии, что недалек тот час, когда мы встретим здесь передовые отряды российских революционных рабочих и крестьян».

На вопрос «что делать» предлагалось заниматься мирным созидательным трудом, восстанавливать хозяйства, разрушенные гражданской, войной и т. д.

Наши ответы, несомненно, производили большое впечатление на ходоков. Уезжая, они клялись, что, в случае нужды, деревня нам даст и провиант и добровольцев.

15. С'езд рабочих и крестьян освобожденного района

В конце сентября был созван с'езд рабочих и крестьян и бойцов нового повстанческого района. На с'езд могли приехать только представители Затубинского района, уже освобожденного от белых, тогда как весь Абаканский район еще находился в руках врагов. Желая сделать с'езд более полным и в целях демонстрации перед делегатами наших сил— было решено немедленно, до открытия с'езда, предпринять наступление на Абаканский район и, очистив его, тут же дать возможность абаканским делегатам прибыть на наш с'езд. Утром следующего дня была выслана рота в Курагино, с предписанием продвигаться дальше на Шалаболино. Рота, придя вечером в Курагино, получила сведения от жителей, что к Шалаболину идет отряд белых численностью в 600 чел., имеющий задачу помешать нам переправиться через реку Тубу. Узнав об этом, компрот (между прочим, сам компрот был родом из Курагина) повел в ту же ночь роту к Шалаболину и устроил около села засаду. Ночью подошли белые. Нарвавшись на засаду и потеряв два пулемета, а также несколько человек убитыми, белые бежали. На другую же ночь я с двумя полками—Ачинским и Тальским—переправился через Тубу в селе Теси и ночью же прибыл в Шалаболино, где стояла упомянутая выше рота. На утро белые, полагая, что в Шалаболине всего только одна рота, повели наступление на село и как следует нарвались. Бой был недолог, противник в панике отошел к селу Абаканскому. На следующий день Манский полк под командой Гусева двинулся по берегу реки от села Городчанского к Абаканскому, гоня перед собой про-

тивника. Ачинский же и Тальский полки должны были тем временем нанести удар со стороны села Моисеевки, дабы зажать противника в угол и сбросить его в реку. Манцы немного поторопились и загнали белых в Абаканск раньше, чем мы захватили его, но все же белым некуда было сунуться, и на наших глазах солдаты и казаки бросались вплавь через Енисей, пытаясь спастись. Много было взято в плен, еще больше утонуло. Абаканск был наш.

Уже стемнело, когда мы получили из города тревожные вести: Кравченко просил немедленно вернуться в город и отогнать противника, наседавшего со стороны д. Подсинее. Сделав ночью переход, мы прибыли в город и вышли на позиции под городом. Белые переправились через Енисей, угрожая тем самым положению города. На позициях стоял уже Канский полк и батальон ачинцев, под командой Загуменного. Тут же Ачинский полк в полном своем составе пошел в бой. Перебравшись через протоку, ачинцы нанесли белым большие потери и отбросили их через Енисей.

Вернувшись в город, мы узнали, что Абаканск опять занят белыми. Пришлось вторично идти туда и выбить противника, что и было выполнено без особых затруднений. Жители Абаканского района получили, таким образом, возможность прислать своих делегатов на об'единенный с'езд повстанческого района.

В это время Тальский полк получил задание идти на Абаканский железоделательный завод для ликвидации оперирующих там банд. Под командой т. Егорова полк вышел в поход и в районе Очур, около с. Бейского, после переправы через Енисей, был окружен засадой противника. Потеряв много людей и 2 пулемета, полк позорно бежал в город. Это горе-

стное событие именовалось «очурской паникой» и вошло в лексикон партизан, как определение чего-то весьма скверного.

Заняв Абаканское, я пробыл там со своим штабом вплоть до декабря, выезжая периодически на тот или другой фронт. Части были расположены в следующем порядке: Уланов и Гусев с манцами и частью ачинцев были направлены вперед по линии Комское-Трифоново, а часть Сев.-Ачинского полка была оставлена для прикрытия Минусинска. Канский полк после боя под Подсиним сделал, под сильной командой т. Кравченко, попытку переправиться через Енисей к Усть-Абаканску, но был отброшен. Вернувшись в город, канцы пробыли там вплоть до того, как установился лед на Енисее, после чего вновь переправились через реку и пошли в наступление на линию Сухая Тес-Ерба. В одном из боев этого периода под Сухой Тесью был выведен из строя командир Канского полка т. Логвинов (ранен в рот). Командование принял тогда т. Савицкий, который и повел полк в дальнейшее наступление через Ужар-Ербу на Сонское-Широ. Одновременно с наступлением т. Савицкого началось общее наступление по всему фронту.

Количественный рост наших отрядов, особенно после с'езда, увеличивался не по дням, а по часам. К концу ноября наши части в общем насчитывали уже около 18.000 бойцов. После Трифоновского боя, в котором манцы захватили около 1500 чел. пленных, 2 орудия и десятки пулеметов, было предпринято движение в сторону Ачинска и Красноярска. Теперь уже двигались мы, почти не встречая сопротивления со стороны белых. Общее положение Колчака не позволяло ему обратить нужное внимание на наш фронт.

Трифоновский бой—это последний крупный бой партизанской армии. Этот бой закончил собой эпопею партизанских боев. После этого боя были лишь мелкие стычки и перестрелки с противником, о которых упоминать не зачем.

Переформирование партизанской армии в регулярную часть Красной Армии

О внутренней жизни Минусинска за этот период партизанских действий я осведомлен был очень мало, а потому ограничусь только кратким изложением наиболее видных событий городской жизни по тем сведениям, которые долетали к нам на фронт.

После с'езда высшей административной властью в городе стал об'единенный исполком, военная же власть представлялась, как и раньше, армейским советом. При исполкоме было открыто нужное количество отделов, которые взялись за проведение в жизнь новых гражданских установлений. Агитотдел издавал орган партизанской армии «Соха и Молот». В городе были организованы лазареты на 500-600 коек. Были заново оборудованы мастерские: патронная, химическая, гранатная и токарная по обточке снарядов. Отливка же снарядов производилась на железоделательном заводе, где также отливались и трубки для снарядов. Химическая лаборатория приготовляла все взрывчатые вещества, вплоть до гремучей ртути.

Жизнь в городе протекала вполне нормально и спокойно. Крестьяне окружающих сел охотно везли свои продукты в эту базу повстанческой армии.

Дела на фронте шли все лучше да лучше. Противник откатывался все далее и почти без особого нажима с нашей стороны, а 22 декабря (3 янв. 1920 г.)

на линии Ужур-Медведское наши части впервые встретились с частями регулярной Красной армии (267 полк 5 армии).

24 декабря первые части северо-ачинцев вошли в город Ачинск, где были восторженно встречены жителями города. Через некоторое время туда же прибыл и Кравченко. Тут же был поднят вопрос о переформировании партизанской армии в регулярную часть.

7-8 января в Красноярске состоялся армейский с'езд с представителями от РВС 5 армии (И. Н. Смирнов, Позерн и др.). Затем после с'езда распоряжением РВС Республики было разрешено переформирование партизанских частей Минусинского фронта в 1-ю Енисейскую Стрелковую дивизию регулярной Красной армии с сохранением прежнего комсостава.

Такова история действий партизанских отрядов Енисейского района.

П. Е. Щетинкин.

А. Д. Кравченко.

А. Д. Кравченко

Отряды Кравченко образовались из партизан Заманья, как в общежитии называется Степно-Баджейский район, лежащий за рекой Маной, притоком Енисея. Уже в июле 1918 г., вскоре после того, как контрреволюция захватила Сибирь, в этих деревнях образовались подпольные большевистские организации, поставившие себе целью бороться за восстановление соввласти. Наиболее сильные организации имелись в селах Степной Баджей и Перовское.

В состав баджейской организации входили: Ф. Г. и И. Г. Богановы (или Боганы), К. Лидин (Пуляев), Н. Пуляев, Толстой и др.

В состав же перовской организации входили: Т. Е. Перов, В. А. Малышев, С. Н. Васильченко (бывший член Канского совета), В. Ф. Убиенных, Г. Н. Попов, П. П. Петров (член Канского совета и член Центросибири от крестьянской фракции общесибирского с‘езда), К. И. Логинов, А. Марченко и др.

Каждая из этих организаций представляла собой центр, к которому тяготели организации ближайших к ним сел.

Первенствующую роль, однако, все-таки играл степно-баджейский центр. Еще в августе 1918 г. степно-баджейцы на нелегальном собрании постановили бороться с эсеровской властью и поднять вос-

стание во имя восстановления советской власти. Степно-Баджейская волость, почти сплошь населенная новоселами—переселенцами, в действительности первая и подняла восстание на Заманьи.

В Перовской волости подготовка к восстанию произошла следующим образом. В с. Рыбинское с'ехались как-то на конференцию представители нескольких организаций, которые постановили созвать с'езд всех организаций. Этот с'езд состоялся 13 ноября 1918 г. в с. Перовском.

«Первый с'езд—говорит участник с'езда П. Петров,—носил характер информационный: подсчитывались силы, оружие, распределялись работы и намечались агитационно-пропагандистские методы. Ведение текущих дел и всю инициативу дальнейшей деятельности, а также право об'явления восстания и открытия военных действий с'езд поручил Перовскому комитету».

Однако, дело по поднятию вооруженного восстания несколько затормозилось вследствие сопротивления, которое оказывала кулацкая часть крестьянства. Но вот перовцы узнали, что на Баджей наступал карательный отряд под командою прапорщика Баженова. Баджейцы, имбежцы и тальцы об'единенными силами выступили против Баженова, отняли у него два пулемета и отогнали его отряд на ст. Камарчага. Это известие подняло боевое настроение перовцев. Организация решила созвать экстренный с'езд, который состоялся 12 декабря 1918 г. опять-таки в с. Перовском.

На с'езд собрались делегаты 11 волостей, а деревни Перовской волости прислали на с'езд все молодое мужское население. В общем на с'езд прибыло около 2.000 человек, которые превратили с'езд в настоящий митинг.

С'езд постановил: 1) мобилизовать призывников с 1914 по 1918 г.г. и 2) создать в каждой деревне штабы с функциями власти на местах. Был выбран штаб. Командование отрядом было поручено М. В. Александрову, который в тот же вечер принял командование над первым сформировавшимся отрядом, в количестве 200 бойцов.

Баджей пережил приблизительно такой же организационный период, как Перовское. Главнокомандующим баджейскими отрядами был выбран Иван Боган, а командиром—Лидин (Пуляев).

Баджейские и перовские отряды об'единились и начали совместно действовать против колчаковцев.

После боя у р. Барзаначки, после так называемого нарвского боя, который произошел в декабре, главнокомандование перешло в руки А. Д. Кравченко.

Для об'единенных отрядов наступила героическая боевая страда. Мы не имеем здесь возможности следить за ходом и развитием военных действий этих отрядов. Скажем только, что по мере развития военных действий отряды крепли, росли, ширились, дисциплинировались и все более и более становились грозой для колчаковщины. Не раз получали они тяжелые удары и терпели чувствительные поражения, но не падали духом, а продолжали рваться в бой и тревожить врага, где и как только могли.

19 марта 1919 г. эта партизанская армия разбилась на три полка, которые получили название по месту своего первоначального формирования, как-то: Канский, Манский и Тальский.

Баджейцы слыхали, что в Ачинском районе орудуют партизанские отряды какого-то «штабс-капитана» Щетинкина. Узнав, что в тылу двигаются на них отряды, называющие себя советскими и «щетинковцами», баджейцы засуетились, предполагая прово-

кацию. Навстречу щетинковцам был послан отряд, вооруженный даже пулеметами, при чем Кравченко распорядился, чтобы приближающиеся отряды в первую очередь были разоружены, а если они начнут сопротивляться, то дать им бой.

Передовой щетинкинский отряд дал себя, понятно, обезоружить без всякого сопротивления. В комендатуре «пленные» пред‘явили за подписью Щетинкина письменную просьбу оказать помощь и содействие всему отряду.

Дело, конечно, вскоре раз‘яснилось, и щетинкинцы об‘единились с отрядом Кравченко.

Что касается Александра Деомидовича Кравченко, то он родился в 1880 г. в семье крестьянина. Он окончил среднее земледельческое училище, со званием агронома. За революционную пропаганду среди крестьян был в 1902 г. приговорен к двухлетнему тюремному заключению. С 1904 г. по 1914 г. работал в качестве агронома в Минусинском, Ачинском и Красноярском округах. В 1917 году был одним из организаторов Ачинского совдепа, вследствие чего, после свержения соввласти в Сибири, вынужден был скрываться, чтобы не подвергнуться репрессии со стороны белогвардейцев. Степно-баджейские партизаны выдвинули его на пост главкома, и своей партизанской деятельностью Кравченко вполне оправдал то доверие, которое партизаны на него возложили. В 1920-21 г. Кравченко со своими партизанами дрался на польском фронте. Боевая военная жизнь подорвала его здоровье, которым он вообще не отличался, так как с юношеских лет страдал туберкулезом. И поэтому, когда соввласть ликвидировала все внутренние и внешние военные фронты, Кравченко перешел на гражданскую работу: он был заведываю-

щим Губземуправления в Пятигорске, где смерть и застигла его 21 ноября 1924 г.

В лице т. Кравченко ушел в могилу товарищ, преданный пролетарской революции, товарищ, с именем которого неразрывно связана героическая борьба сибирских рабочих и крестьян за свержение колчаковщины и восстановление соввласти.

Приложение № 2.

К пребыванию партизан в Урянхае

Ко времени прихода партизан в бывший Урянхайский край—ныне Танну-Тувинская народная республика—слишком обострилась национальная вражда между русским пришлым и коренным туземным населением. Сойоты старались выжить русских крестьян из своей страны, насильно отторгнутой царским правительством, и поэтому сойоты неоднократно нападали на русские поселения и угоняли крестьянский скот. Русские не оставались в долгу, они в свою очередь нападали на сойотов. Эти нападения сопровождались убийствами. Ежедневно находили трупы убитых сойотов и русских. В то же время и сойоты и русские, наслышавшись от белогвардейцев разных бредней, враждебно относились к советской власти и косо смотрели на прибывших партизан, предполагая, что прибыли разбойники, бандиты, грабители.

Учитывая все эти обстоятельства и рассчитывая надолго задержаться в районе г. Белоцарска (ныне г. Красный), партизаны выпустили следующее воззвание:

„К населению Урянхайского края и Усинского пограничного округа“.

Граждане!

Мы, крестьяне Канского, Красноярского, Ачинского и Минусинского уездов, восстали за свои права против захватнического правительства Сибири, против плетей, шомполов и виселиц. Мы не в состоянии были дольше выносить эти издевательства и позор, окутавшие Сибирь черной реакцией. И мы не одни. В Сибири оперирует 46 таких партизанских отрядов из восставших крестьян и рабочих. На Урале бьется с генеральскими шайками советская Красная армия. Мы знаем, что в конечном счете победит трудовой народ, а не наемные палачи капиталистов.

Не думайте, что мы—бандиты и грабители. Мы все оставили свои хозяйства, такие же, как и у вас, и, во имя нашей трудовой справедливости, взялись за оружие. Около восьми месяцев мы держали свою Баджейскую свободную республику. За это время мы одержали больше 70 боев и все имеющееся у нас оружие и пулеметы были отняты у наших врагов. Это говорит за то, что вера и мужество на нашей стороне. Но вы спросите: почему мы ушли из своих мест?

Мы ушли потому, что сибирское правительство бросило на нас около 25 тысяч иностранных войск: чехо-словаков, итальянцев, сербов, польских легионеров и прочих. Кроме того, наши мастерские не успевали изготовлять нужного количества патронов. Вот причины нашего ухода. Но мы пришли к вам не для того, чтобы проедаться за ваш счет, а для того, чтобы привести в порядок свои силы и оружие—и затем снова двинуться на наших врагов.

Мы надеемся, что вы, товарищи-крестьяне, поймете наши стремления и поможете нам всем необходимым, как продовольствием, лошадьми, так и имеющимся у вас оружием.

Мы не желаем насиловать вас и надеемся, что все это вы выполните добровольно.

Велите добровольно собрать запасы и оружие в г. Белоцарск в Армейский совет, посылайте добровольцев и прекратите ненужную борьбу с сойотами и урянхами, с которыми мы ведем уже мирные переговоры. Армейский совет и главный штаб еще раз подтверждают, что крестьянская армия не желает насиловать вашу волю и в ближайшее время, 25 августа, надеется созвать с'езд всего Урянхайского края с представителями от монгольских властей.

Этот с'езд должен договориться, во-первых, о миролюбивых отношениях между вами и туземцами и, во-вторых, организовать самоуправление в крае, т.-е. избрать совет крестьянских депутатов.

И так, товарищи-крестьяне, переходите к мирному труду. Знайте, что Крестьянская армия сможет защитить ваши права и безопасность от каких бы то ни было посягательств.

Да здравствует Крестьянская армия!

Да здравствует советская власть в Сибири!

Армейский совет и Главный штаб крестьянской армии.

Чтобы успокоить сойотов и завязать с ними дружеские сношения, штаб и Армейский совет обратились к монгольскому правительству с «нотой». Не лишним считаем привести здесь полностью текст этой весьма интересной и характерной ноты. Вот он:

«Монгольскому нойону в Урянхае Батору-Тархан-Вану, для препровождения Великому Князю Монголии — Богдыхану.

Великий Князь!

Главный штаб и Армейский совет Крестьянской Трудовой армии спешат принести Вам свою признательность и извинение за невольное вторжение на Вашу землю.

Руководители повстанческой армии отлично понимают, что для вступления на чужую территорию нужно было бы испросить разрешения правительства этой территории. Но этого не было сделано в силу многих обстоятельств военно-стратегического порядка, о которых мы не будем распространяться. Осмеливаемся лишь заверить Вас, Великий князь, что в Ваши пределы вторглась не кучка шатающихся бродяг и преступников, как, возможно, Вам передавали, а Трудовая Крестьянская армия, армия восставших крестьян Сибири.

Сибирские крестьяне не желают признавать единоличной власти омского адмирала Колчака. Наши симпатии на стороне московской советской власти, которая одна только является выразительницей интересов и устремлений всего трудового народа — необ'ятной России.

Наша армия так же, как и вся Советская Россия, не желает посягать на чужие территории своих соседей и желает всеми мерами поддерживать с ними миролюбивые отношения.

Заверяем Вас, Великий Князь, что мы пришли в Вашу землю не хозяйничать, а привести себя в боевой порядок, дабы снова, с восстановленными силами, выступить против наших врагов — российских поме-

щиков и капиталистов. И для нашего временного пребывания просим Вашего разрешения.

Кроме сего, главный штаб и Армейский совет Крестьянской армии просит Вас:

1. Принять под покровительство и на иждивение монгольских властей наш лазарет в 250 чел., за содержание которого мы даем гарантию имеющимися у нас ценностями: серебром, пушниной, маральими рогами и прочими ценными вещами. В случае, если и этих ценностей будет недостаточно, то мы осмеливаемся выдать обязательство от имени Советской Социалистической Федеративной Республики на возмещение всех произведенных вами затрат, после очищения Сибири от белогвардейских банд.

2. Считаем долгом и своей нравственной обязанностью просить вас, Великий Князь, принять самые решительные меры к устранению беспорядков, имеющих место в Урянхайском крае, выражающихся в насилии сойотов и урянхов над беззащитными русскими крестьянами. Указанных бесчинств Крестьянская армия допускать больше не может и, при Вашем содействии, дает обещание установить в крае должный правопорядок.

3. Просим также немедленно освободить всех русских крестьян-жителей Урянхайского края, попавших в плен к сойотам во время местных междоусобиц.

4. Полагая, что монгольское правительство также, как и восставший народ России, заинтересовано в установлении миролюбивых и добропорядочных отношений между двумя государствами, главный штаб и Армейский совет Крестьянской армии питают себя надеждой в недалеком будущем окончательно установить общий фронт с вами против общего врага, т.-е. захватнического правительства Сибири.

Главный штаб и Армейский совет Крестьянской армии не сомневаются, что вы, Великий Князь Монголии, учтете положение общей пользы двух дружественных народов и соблаговолите дать немедленный ответ.

С соседским доброотношением и почтением к Вам

Командующий Крестьянской армией **Кравченко**, помощник командующего **Щетинкин**, начальник главного штаба **Ар. Иванов**, председатель Армейского совета **Сургуладзе**, члены: **Петров**, **Костюченко**, **Гапонов**».

Впоследствии, когда у партизан назрела мысль через Монголию пробраться в Ташкент, Кравченко передал нойону еще одну «ноту» следующего содержания:

«Мы, военно-революционная организация из крестьян и рабочих Енисейской губернии, восставших и самоорганизовавшихся в пределах вышеуказанной губернии, мы ведем борьбу с омским правительством, возглавляемым адмиралом Колчаком, который задался целью вновь насадить в России самодержавие. Для осуществления этой цели и создания монархической власти правительство адмирала Колчака ведет кровавую борьбу на всей захваченной территории Сибири. Сжигаются целые крестьянские населения, насилуются женщины, расстреливаются сотни и тысячи невинных людей; целые тысячи бросаются по тюрьмам и умирают в страшных пытках; десятки тысяч избиваются нагайками и шомполами. Осуществляемый адмиралом Колчаком монархический строй невыгоден сам по себе и Монголии. Монголия должна помнить то, что низвергнутое правительство Николая II все время стремилось превратить Монголию в свою колонию, выкачивая из нее все для своего обогащения. И если подобная органи-

зация власти снова создастся, то она будет продолжать старую политику, прерванную революцией, совершенной русскими и передавшей правление Совету Народных Комиссаров, которые через советы хотят устранить на земле социальное и национальное неравенство всех народов, племен, рас и наций, отвергая аннексии (захват земли) и контрибуции (денежные обложения), выдвигая лозунг «самоопределение наций». Мы являемся армией советов и проводим ту же политику. Но в силу сложившихся, не особенно благоприятных для нас обстоятельств, под давлением иностранных войск: чехов, сербов, румын, итальянцев и других, помогающих осуществить адмиралу Колчаку монархический строй, мы принуждены были уйти из наших домов и докатиться до рубежа Монголии. Исходя из этого, мы и обращаемся к Ургинскому правительству с настоящей грамотой и просим пропустить нас с оружием в руках через территорию Монголии для того, чтобы мы могли пройти на Ташкент, в ту область, где существует такая форма организации власти, какая и у нас, и преследует те же задачи и цели, как и мы. Нам придется идти страной жаркой и безводной, идти тысячи верст. У нас имеется около 250 чел. раненых; им такой путь будет невыносим и опасен. Поэтому мы обращаемся к Ургинскому правительству и просим за имеющиеся у нас ценности, както: пушнину, золото в изделиях, в россыпи и в монетах—взять от нас всех раненых под свое покровительство и содержать до выяснения политических обстоятельств и тем самым облегчить нам путь продвижения к Советской России».

По словам Рагозина, нойон прибыл в Белоцарск с охраной в 25 монгольских солдат, одетых в на-

циональные костюмы. Переговоры велись с ним на русском и монгольском языках. Нота была написана в четырех экземплярах (по два на каждом языке) и скреплена обеими сторонами.

Долго, однако, пришлось партизанам ждать ответа на эту ноту. Лишь после того, как Бологова разбили на голову, нойон сообщил партизанам, что монгольское правительство разрешает им проходить через монгольскую территорию. Есть, однако, основание предполагать, что такой ответ был получен давно, но нойон, окольными путями зная о приближении Бологова, выжидал—в расчете, что партизаны будут разбиты и легко будет поживиться их имуществом. Воспользоваться «любезным» разрешением монгольского правительства партизанам, однако, не пришлось, так как партизанский с'езд постановил избрать другой маршрут—на Минусинск.

В заключение заметим, что разные участники и очевидцы этих событий по-разному называют имя того нойона, с которым партизанам приходилось иметь дело в Белоцарске. Щетинкин называет его Хатон-Батор-Ван, Петров—Батор-Тархан-Ван[1]), а Рагозин—Хатар-Бат-Ван[2]). По сведениям, которыми мы располагаем, правильно имя, которое приводит Щетинкин.

---

[1]) П. Петров.—«Партизаны в Ур.нхайском крае» («Сиб. Огни» 1927 г. № 4). Из этой статьи взяли мы текст «воззвания» и первой ноты.

[2]) Рагозин. — «Партизаны Степного Баджея», Москва, 1926 г., изд. «Новая Москва», стр. 208, цена 80 коп. Из этой книги взяли мы текст второй «ноты». Заметим при этом, что ответственность за точность текста этой ноты мы не берем на себя, ибо сам Рагозин говорит, что приводит текст «приблизительно», очевидно, по памяти.

Приложение № 3.

КОЛЧАКОВСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

М. В. Д.

НАЧАЛЬНИК АЧИНСКОЙ УЕЗДНОЙ МИЛИЦИИ.
Января 16 дня 1919 г.
№ 11.

Господину управляющему Енисейской губернией.

Бывшему начальнику милиции г. Кулеша Начальником милиции 1 уч. Ачин. у. 5 января с. г. было доложено, согласно полученного им о том заявления от председателя Стрелковской сельской управы Ново-Еловской вол., Ачин. у., что того же 5 января в дер. Стрелки группой лиц, под председательством некоего бывшего штабс-капитана Щетинкина, арестованы старший милиционер 5-го района 1-го уч. Ачинского уезда Захаров и младший милиционер 8-го уч. Ачинского уезда Хабаров, а также и 5 человек арестованных, сопровождавшихся Хабаровым в ачинскую тюрьму, как обвиняемых в тайном винокурении. По этому поводу распоряжением того же бывшего начальника милиции Кулеша 6-го того же января был командирован указанный Начальник милиции 1 участка с отрядом из 6-ти чел. правительственных войск на место в дер. Стрелки для производства надлежащего по сему расследования, который, по возвращении своем из этой командировки 13-го января, рапортом от того же числа за № 3 донес, что произведенным им по этому делу расследованием удалось лишь выяснить, что участниками самоуправных действий поименованного шт.-кап. Щетинкина и

его товарищей из нескольких человек новобранцев-дезертиров являются крестьяне дер. Лапшихи Покровской волости Павел Ростовцев, Архип Тимощенко, Павел Красницкий, Степан Столбцов, Лазарь Хроменко и Никита Тимощенко, у одного из коих, а именно у Павла Ростовцева, отнято четыре 3-х линейных винтовки, предназначенные для отряда помянутого Щетинкина, организуемого последним для оказания сопротивления правительственным войскам.

После того 16 сего января Начальник милиции 8 участка рапортом от 13 сего января за № 2 донес, что 13 сего января к нему в с. Больше Улуйское возвратился обратно милиционер Хабаров с пятью арестованными и об'яснил следующее: что 5 сего января он, получив указанных 5 чел. арестованных, отправился с ними по назначению и по дороге в дер. Стрелки остановился у председателя той сельской управы для заказа лошадей под арестованных. По уходе председателя сельской управы за лошадьми в избу последнего явилось неизвестных ему, Хабарову, восемь чел. с арестованными ими по дороге старшим милиционером Ново-Еловской вол. 1 участка Захаровым, при чем один из них, с револьвером в руках подскочив к Хабарову, приказал ему подн'ять руки вверх. После этого разоружили Хабарова и стали спрашивать у арестованных, что сделать с ним, Хабаровым, на что арестованные заявили, что Хабаров человек честный, с народом обходится хорошо и потому просят его не убивать. В это время подали подводы под арестованных, и неизвестные злоумышленники первоначально было решили всех их освободить, но затем раздумали и отправили их всех в дер. Лапшиху, а оттуда в какую то избушку между дер. Лапшихой и Усть-Тулатом. Отсюда Хабарову с арестованными было приказано идти в тай-

гу и скрываться до их распоряжения, при чем злоумышленники дали им топор, ножик и котелок, а сами с милиционером Захаровым удалились неизвестно куда. Хабаров с пятью арестованными отправившись в тайгу, ночевали там под открытым небом и, сделав топором себе лыжи, по тайге добрались обратно к селу Больше-Улуйскому; по дороге не заходили ни в одну деревню и сильно ослабли, так как имеющийся хлеб замерз. Куда девали названные злоумышленники старшего милиционера Захарова— им неизвестно. Все злоумышленники были в крестьянской одежде с винтовками, револьверами и один из них был при шашке.

Об изложенном доношу и докладываю, что дальнейшее по сему дознание производится и что к розыску и задержанию Щетинкина и его товарищей дезертиров-новобранцев мною приняты самые энергичные меры. О чем также, согласно 250 ст. Уст. Угол. Суд., сообщено судебным властям.

И. д. Начальника Ачинской
Уездной Милиции **Авраменко.**

Вр. и. д. Секретаря (подпись неразборчива).

УПРАВЛЯЮЩИЙ
ГУБЕРНИЕЙ

23 января 1919 г.

№ 107.

Управляющему Ачинским уездом.

Находя, что деятельность штабс-капитана Щетинкина представляется чрезвычайно опасной, могущей вызвать движение в уезде, предлагаю:

1) Войти в соглашение с Начальником военного района об охране линии железной дороги.

2) Сделать распоряжения милиции по уезду о надзоре за появлением Щетинкина или его участников.

3) Принять все меры для розыска и поимки Щетинкина.

Управляющий губернией **Троицкий.**

Чиновник особых поручений (подпись).

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

АЧИНСКИЙ УЕЗДНЫЙ КОМИССАР.

Отдел политический.

15 января 1919 года.

№ 3.

Секретно.

Управляющему Енисейской губернией.

Доношу, что за истекшую неделю во вверенном мне уезде настроение населения в политическом отношении было удовлетворительное, при чем считаю долгом донести что, по полученным мною сведениям, в пределах Покровской волости скрывается некто Щетинкин, бывший офицер, состоящий на службе в Совдепе в качестве начальника сыскного отделения, у него имеется шайка человек 12, занимающаяся противоправительственной агитацией среди населения. По моему распоряжению, производится разведка, чтобы при первой возможности задержать, главным образом, Щетинкина.

Управляющий уездом (подпись).

Делопроизводитель (подпись).

М. В. Д.

НАЧАЛЬНИК АЧИНСКОЙ
УЕЗДНОЙ
МИЛИЦИИ.
Января 22 дня 1919 г.
№ 11.

Экстренно

Господину управляющему Енисейской губернией.

В дополнение рапорта моего от 16 сего января за № 11 доношу, что производящимися, подведомственными мне, участковыми начальниками милиции 1 и 8 участков дознаниями и розысками скрывшегося бывшего штабс-капитана Щетинкина и его шайки из нескольких человек новобранцев-дезертиров пока обнаружить не представляется возможным, а также еще не розыскан и уведенный ими ст. милиционер Захаров. Дальнейшее по сему дознание и розыски производятся самыми решительными и энергичными мерами, о результатах которых мною будет донесено дополнительно по получении каких бы то ни было по сему сведений. При этом докладываю, что поименованные в указанном донесении моем за № 11 крестьяне дер. Лапшихи Архип и Никита Тимощенко, Павел Красницкий и другие участники Щетинкина в аресте Хабарова, за исключением Павла Ростовцева, который задержан и содержится в Ачинской тюрьме до окончания дознания, скрылись, розыски которых также производятся.

И. д. Начальника Милиции (подпись).

Вр. и. д. секретаря (подпись).

М. В. Д.

НАЧАЛЬНИК АЧИНСКОЙ
УЕЗДНОЙ
МИЛИЦИИ.

Января 23 дня 1919 г.

№ 18.

Копия.

Господину управляющему Енисейской губ.

Сего числа начальник милиции V-го участка Ачинского уезда донес мне, что священник с. Ново-Еловского, той же волости, Фокин, 21-го сего января выехал в приход по исполнению духовных треб и 22 сего января его в дер. Лодочной, той же Н.-Еловской вол., задержал и увез неизвестно куда какой-то вооруженный отряд из нескольких человек.

По сведениям, собранным негласным путем, в порядке разведки из милиционеров, командированных для розысков большевика штабс-капитана Щетинкина и его шайки из новобранцев-дезертиров, дознано, что упомянутый священник Фокин задержан и увезен бандой красных, предводительствуемой Щетинкиным, численность коих 20-25 чел.

Для подавления банды красноармейцев и задержания лиц, причастных к таковой, я обратился к Начальнику Ачинского Военного района лично, с просьбой назначить в мое распоряжение отряд правительственных войск, численностью 25-30 чел., для совместных действий с чинами милиции, последний по неизвестным мне причинам отказал в этом, признавая, что хотя посылка воинского отряда в указанную местность необходима, но в то же время предложил иметь за упомянутой бандой только наблюдение. Мною должная разведка установлена и к

месту совершения преступления командированы чины милиции, которым поручено задерживать причастных к банде Щетинкина преступников.

Об изложенном доношу и докладываю, что о результатах дальнейшего расследования будет донесено особо.

И. д. Начальника Милиции (подпись).

Вр. и. д. секретаря (подпись).

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

М. В. Д.

УПРАВЛЯЮЩИЙ
АЧИНСКИМ УЕЗДОМ

Января, 26 дня, 1919 г.
№ 9.

Секретно.

Управляющему Енисейской губернией.

Доношу, что священник Фокин, увезенный бандой Щетинкина, по полученным мною сведениям, найден мертвым вблизи д. Лодочной Больше-Улуйской волости.

Независимо доношу, что, по словам надежного милиционера, посланного мною для разведки в район ст. Кемчуг, выяснилось, что самым опасным местом является д. Жуковка (вблизи ст. Кемчуг), населенная пришлым элементом, большей частью работающими на лесопильном заводе. Агитирует среди населения против правительства состав служащих «Общества Потребителей», в том числе и местный лесничий (по

политическим убеждениям ярый большевик). У населения имеется оружие, а также и у лесничего. Жуковка—это место при ст. Кемчуг, где «красные» бросали свое оружие в виду выступления против них белогвардейцев из Красноярска во время свержения большевизма и оттуда разбегались, наделяя население Жуковки оружием.

Об этом я сообщил Начальнику военного района и просил его дать в помощь милиции человек 10 солдат для производства обыска в дер. Жуковке с целью отобрать у населения оружие. За служащими «Общества Потребителей» установил надзор, чтобы получить данные, подтверждающие агентурные сведения о них.

Сегодня утром прибыли из Красноярска в подкрепление Ачинскому гарнизону 60 солдат при 2-х офицерах, в виду чего я просил начальника военного района подп. Попова, в соответствии с имеющимися у меня данными разведки о местонахожении шайки Щетинкина, послать завтра воинские отряды. Знаю, что подп. Попов находит, что присланных 60 чел. недостаточно для обхода банды Щетинкина, и ходатайствует, чтобы прислали из Красноярска добавочно до цифры 150 солдат. Буду настаивать, чтобы завтра были посланы наличные 60 чел., в противном случае Щетинкин перекинет свои операции на север, где живут неблагонадежные латыши, и тогда усилится шайка Щетинкина. В случае расхождения во-взглядах на это с подп. Поповым, буду вам телеграфировать и просить меня поддержать, так как я считаю, что дальнейшее промедление посылки отряда для ликвидации Щетинкина будет преступлением.

Позволяю себе оговориться, что начальник военного района Попов крайне нерешительный человек, а для меня загадочный в некоторых случаях совме-

стной с ним работы. Так, например, когда шайка Щетинкина состояла всего из 25 чел., я просил дать мне 20 солдат для совместной с милицией поимки Щетинкина, с этим мнением был согласен и начальник административного военного отдела, но г. Попов отказал в этом, об'ясняя, что такой отряд не принесет пользы,—после этого шайка возросла до 100 человек.

Может быть, я и не прав в своем суждении о г. Попове, но, неся ответственность за государственную охрану, я считаюсь с тем, чтобы не упустить момента своевременного подавления восстания в зародыше.

В виду тревожного настроения среди населения и для облегчения работы городской милиции я просил начальника военного района ввести осадное положение. Подполк. Попов не согласился на это, но ввел при существующем военном положении еще ограничение, коим воспрещено появление на улице жителей города от 10 час. вечера до 6-ти часов утра.

Управляющий уездом (подпись).

М. В. Д. — Копия

НАЧАЛЬНИК АЧИНСКОЙ УЕЗДНОЙ МИЛИЦИИ — *Секретно.*

Января, 24 дня, 1919 г. *№ 26.*

Г. Управляющему Енисейской губернией.

Сегодня, 24 января, в 4 часа пополудни, младший милиционер 8 участка нарочным донес мне, что банда большевиков под предводительством какого-то офицера, численностью до сорока вооруженных че-

ловек, в восьмом часу вечера 23 сего января неизвестно откуда прибыла в село Больше-Улуйское, именуя себя правительственным отрядом, отобрала винтовки у трех милиционеров и офицера Богданенко, находящегося в отпуску и проживающего в с. Б.-Улуйском. На вопросы последнего предводителю банды в офицерских погонах: «Вы кто будете, на Вас офицерские погоны, я также офицер правительственных войск», на что предводитель банды ответил «не разговаривать» и приказал немедленно выехать из села. Производя расследование, установлено, что банда, та самая, под предводительством шт.-кап. Щетинкина, которая оперировала в районе Покровской и Ново-Еловской волостей, совершившая ряд преступлений, в настоящее время перебросилась в Больше-Улуйскую волость, где под видом правительственного отряда отбирает у населения оружие и обмундирование. По сведениям, банда из Б.-Улуя отбыла в тот же вечер на 16-ти обывательских подводах по направлению к с. Ново-Еловскому.

С начала обнаружения банды во главе с тем же Щетинкиным я доводил до сведения начальника военного района с просьбой дать воинскую силу для подавления ее, одними милицейскими силами справиться невозможно, так как известно, что вначале она насчитывала 25-30 вооруженных лиц, теперь же, несомненно, больше, при чем при столкновении с таковой к ней безусловно присоединятся большевики, живущие в деревнях до момента выступления.

Когда же упомянутая банда обнаружила свое местопребывание в дер. Лодочной Н.-Еловской вол., где неизвестно куда увезла контрреволюционера свящ. Н.-Еловского прихода Фокина, я настоятельно просил дать воинскую силу в числе хотя бы 30 чел., которых полагал разбить на два отряда совместно

с милицейской силой, таким образом, каждый в отдельности отряд был бы численностью 20-22 чел., послать их по двум направлениям, и банда могла бы быть задержана и разбита. Начальник Военного района, по неизвестным мне соображениям, послать отряд не нашел возможным. Мне оставалось одно— иметь наблюдение за бандой в смысле ее передвижения, организации и ждать воинской силы.

Последнее известие подтверждает, что банда Щетинкина усиливается, распространяя свои действия на север в пределы Ново-Новоселовской вол., населённой латышами, где будет иметь благодатную почву для более широкой организации.

Докладывая о вышеизложенном и во избежание крестьянского восстания, на подавление коего потребуются значительные воинские силы, прошу, если нет к тому препятствий, теперь же командировать два отряда численностью хотя 30-50 чел. каждый в район Б.-Улуйской, Ново-Еловской и Покровской волости для задержания бандитов и установления законного порядка.

Дополнительно получены сведения, что банда задерживает проезжающих по дороге в Больше-Улуй.

Начальник милиции (подпись).

М. В. Д.

НАЧАЛЬНИК

АЧИНСКОЙ УЕЗДНОЙ МИЛИЦИИ.

Января 27 дня 1919 года.

№ 27.

Секретно.

Не имея до сего времени распоряжения от Начальника Военного района о командировании в помощь милиции отряда для ликвидации банды Щетинкина, которая с каждым днем усиливается и терроризирует мирное население, производит убийства и грабежи, о чем я неоднократно как лично, так и письменно доводил до сведения Начальника района и Управляющего уездом, последний принимал все зависящие от него меры к немедленной посылке воинского отряда в район пребывания банды. Между тем, отряд до сего времени не дан и, как мне сообщил Начальник Административного отдела, районный отряд не послан по личным соображениям Начальника Военного района. Последнее об‘ясняю тем, что нет достаточной воинской силы, так как, по сведениям, какие добыты путями разведки, медлить с посылкой отряда ни минуты нельзя.

Сегодня мне стало известно, что в г. Ачинск прибыла рота солдат, численностью в 60 штыков, почему я, совместно с Управляющим уездом, вторично обратился с пр сьбой к Начальнику района, указывая на опасность со стороны банды, дать в мое распоряжение имеющуюся воинскую силу для указанной цели, к тому же должная разведка сделана, схема района местопребывания банды Щетин-

кина с подробным маршрутом составлена и все необходимые к тому сведения имеются, но ответа и на это последнее ходатайство нет. Что делается в этом направлении—неизвестно, и я теряю надежду вообще на посылку отряда. Ликвидировать банду силами милиции я не решаюсь и невозможно. Благодаря же затяжному положению ликвидации банды, таковая усиливается больше и больше, отбирает у населения оружие и одежду, по сведениям, имеет сделать грабительский набег на город, освободить арестантов и захватить казначейство, почему я считаю необходимым экстренно послать воинский отряд и тем самым пресечь дальнейшие ее действия.

Банда действует провокационными путями, т.-е., где нужно, именует себя белой гвардией, а то советской властью.

Здравомыслящее население относится к ней отрицательно, оказать же сопротивление боится. Некоторые находятся в недоумении, некоторые верят и сочувствуют ей.

Непосылка своевременно отряда истолковывается населением в отрицательную сторону для правительства и как бы служит доказательством бессилия правительственных войск.

Сейчас мною получены сведения, что банда оперирует в районе Больше-Улуйской волости, где якобы захватила и увезла с собой священника села Новоселы, как это ею уже сделано в дер. Лодочной Ново-Еловской волости; разбились на 3 отряда—один отряд держит направление на Бирилюсы и на Енисейский тракт, два отряда под личным предводительством Щетинкина находятся в районе Больше-Улуйской и Ново-Еловской волостей.

В ожидании помощи со стороны воинской силы мною принимались и принимаются все меры по на-

блюдению за действиями банды, выслеживая ее и т. п. Собрано масса ценных сведений для розыска и задержания ее, имеется ряд лиц, живущих в том районе, причастных к банде и подлежащих задержанию.

Докладывая об этом, прошу надлежащих указаний и распоряжения.

И. д. Начальника Милиции (подпись).

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

АЧИНСКИЙ УЕЗДНЫЙ КОМИССАР.

Отд. Секр.

25 января 1919 г.
№ 5/секр.

Секретно.

Управляющему Енисейской губернией.

В дополнение посланных мною телеграмм о действиях банды, доношу, что, по полученным мною сего числа сведениям от агентов-чинов милиции, которые производили разведку, отряд Щетинкина через с. Бол.-Улуй проследовал в д. Лапшиху (25 верст от г. Ачинска), избил нагайками в дер. Александровке крестьян за отказ в подаче лошадей-подвод. В отряде его насчитывается до 120 чел. на данный момент, при 100 винтовках, 300 бомбах. Вблизи д. Лапшихи на горе устроены снежные окопы. Щетинкин с бандой предполагает сделать нападение на Ачинскую тюрьму. Обо всем поставлю в известность начальника военного района, который в данное время до прихода войск из Красноярска ли-

шен возможности послать солдат в уезд в виду их малочисленности и частью ненадежности.

Со своей стороны, принимаю все меры для производства разведки, чтобы по прибытии войск из Красноярска направить их в определенные места, где будет находиться Щетинкин со своей шайкой.

Из района Б.-Кемчуга получил сейчас известие, что там пока все спокойно.

Управляющий (подпись).

Телеграмма.

Срочно. Красноярск. Управл·ющему губернией. Копии. Красн. Томск 383 159 5/2 13/40.

Следовавшая 13 февраля из Ачинска в Большеулуйское почта (в) сопровождении Начальника Большеулуйского отделения Ревякина и почталиона Бусеня, около 5 часов вечера, при в'езде (в) деревню Листвянку, подверглась нападению (со) стороны пятидесяти неизвестных лиц, вооруженных винтовками (и) револьверами (и) окруживших почту (со) всех сторон. Грабителями отобраны (у) сопровождающих почту: винтовки, револьвер системы нагана и кожаная сумка (с) находящимся (в) последней денежным пост-пакетом (в) пять тысяч рублей, пересылавшимся (из) Ачинска (в) Большеулуйское (на) имя Начальника почтового отделения. Заказные и простые отправления остались (в) целости, после чего грабители, численностью уже до восьмидесяти человек (на) крестьянских подводах отправились (в) Новоеловское, приказав следовать (за) ними. (В) Новоеловском почтовом отделении бандитами отобрано оружие и ключи денежного ящика. Задержав почту (в) Новоеловском (на) полтора часа, нападавшие

распорядились (о) дальнейшем ее следовании (в) Больш улуйское. Сопровождавшие почту остались (в) целости. (О) Судьбе ценностей Новоеловского почтового отделения точных сведений пока нет. Прошу распоряжения (об) охране почт и учреждений (и о) назначении предварительного сл·дствия 1110 Начальник Томского почтово-телеграфного округа **Иванов.**

ВРЕМЕННОЕ ВСЕРОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

УПРАВЛЯЮЩИЙ АЧИНСКИМ УЕЗДОМ

Отдел полит.

22 февраля 1919 г.
№ 77.

Секретно.

Г. Управляющему Енисейской губернией.

Препровождая при сем «наказ» Щетинкина Игинскому обществу для вашего сведения, доношу, что отряд правительственных войск в настоящее время стоит в селе Покровском, как и ранее, и, ожидая подкрепления, наступления не предпринимает.

Управляющий Ачинским уездом (подпись)
Делопроизводитель (подпись).

Копия с копии.

Игинскому Обществу.
НАКАЗ.

17 февраля 1919 года.

Прошу прекратить в город доставку дров, сена и хлеба, за неисполнение наказа виновные будут подлежать строгой ответственности вплоть до расстрела.

Товарищ **Щетинкин.**

Секретно.

№ 82.
27 февраля 1919 г.

Управляющему Енисейской губернией.

Пред'явлена для сведения.

Копия рапорта Помощника Начальника I участка Ачинского уезда от 25 февраля 1919 г. за № 30, на имя Начальника Ачинской уездной милиции.

Имею честь донести, что 22 февраля с. г. в 3 часа дня неизвестными лицами был обстрелян жел.-дор. мост на реке Улуй. По словам крестьян, ехавших с сеном и дровами, неизвестных было двое, в офицерской форме, верхами на лошадях и в полном боевом обмундировании: револьвер, шашка и карабин. Увидев наших конных разведчиков, незвестные скрылись, потеряв десять штук 3-х линейных патронов своей набивки. Подписал: вр. и. д. Пом. Нач. мил. 1 уч. Ач.-у. **Н. Гусев.**

ВРЕМЕННОЕ ВСЕРОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

УПРАВЛЯЮЩИЙ АЧИНСКИМ УЕЗДОМ

Отдел полит.

3 марта 1919 г.
№ 84/88 секр.

Секретно.

Управляющему Енисейской губернией.

Представляя две копии с протоколов милиции, характеризующие действия банды Щетинкина, доношу, что активные действия нашего отряда против указанной банды начнутся по прибытии артиллерии,

которую обещал послать генерал Афанасьев в ближайшие дни по окончании операций в Енисейске. Для верности успеха нашего отряда я и Начальник района вошли в соглашение с командиром чешского эшелона, находящегося на ст. Ачинск, чтобы тыл нашего отряда при наступлении обеспечивался чешскими воинскими силами.

На деревни Курбатово и Иглинку в последние дни были набеги банды Щетинкина: у многих крестьян отобраны лошади и рогатый скот. В эти деревни вчера и сегодня отправлялся особый отряд из конных и пеших милиционеров, чехов и наших солдат и офицеров. В деревне Курбатовой не обнаружено отрядов красных, последние заблаговременно уехали из Курбатовой. О действиях в Иглинке пока сведений не имею.

Крестьяне в Покровке и Иглинке, в виду их лойяльности, вооружены частью казенными винтовками, по распоряжению Начальника военного района.

В данное время в Ачинске открыла свою деятельность военно-следственная комиссия, куда передаются протоколы милиции о задержанных лицах, заподозренных в сочувствии банде Щетинкина; между прочим, на-днях мною арестована учительница Кабанова из деревни Курбатовой, прибывшая ко мне в Управление за получением ордера на размен денег. Против Кабановой имеются серьезные улики в сочувствии большевистским идеям и агитации в пользу последним.

Управляющий Ачинским уездом (подпись).

Копия с копии.

Протокол заявления

1919 года февраля 27 дня ко мне, старшему милиционеру 7-го участка Ачинского уезда Козульского района Лукась явился гражданин сельский милиционер деревни Михайловки Козульской волости, Яков Сергеевич Почичуй, и заявил: февраля 2 дня с. г. на ночь приехали ко мне какие-то три человека под видом милиции, вооруженные винтовками, с револьверами, и стали от меня просить — покажи, у кого здесь есть три нагана и винтовки и еще опросили, кто здесь большевики и как зовут новобранцев, которые скрываются, которых я им рассказал, после этого сказали: «Ложись на скамейку», я лег, они ударили меня 12 раз и сказали: «Ты больше сельской милиции не служи, а если ты будешь служить более 24 часов милиционером, тогда будем резать твое мясо, а куски тебе показывать», после этого ушли. Все втроем были пешие. Утром я заявил старосте деревни Михайловки Никифору Черину, чтобы он послал бы кого-нибудь заявить милиции, что меня побили, а он мне ничего не сказал и никому не заявил, а теперь я работать не могу, потому что у меня спина разбита от нанесенных побоев. В настоящее время нахожусь без дома, так как в дому начевать не могу, потому что боюсь, чтобы меня ночью не убили. Прошу высших властей оказать содействие найти темных элементов дер. Михайловки, которые имеют связь с большевиками. Более добавить ничего не имеет. Яков Почичуй неграмотный, а по его личной просьбе, за него расписался председатель Козульской волости земской управы Сушевский. Подписал старший милиционер Козульского района **Лукась.** Верно: вр. и. д. Секретарь (подпись).

Копия.

Протокол

1919 года февраля 27 дня, сего числа явился в Ачинский городской участок казак станицы Белоярской Андрей Дмитриев Гундин, проживающий в селе Преображенском Покровской волости, доставил с собой пять человек, взятых им на ачинском базаре, доложил мне, Помощнику Начальника милиции Ачинского городского участка Клыкову, что доставленные крестьяне дер. Курбатовой из новоселов и что они могут дать кое-какие сведения о банде Щетинкина. Постановил: Записать в настоящий протокол. Гундин заявил себя неграмотным. Помощник Начальника милиции **Клыков**.

Спрошенные крестьяне Енисейской губернии Ачинского уезда Покровской волости дер. Курбатовой - 1) Моисей Данилов **Седунов**, 59 лет от роду, православный, не судился, показал: две недели тому назад Щетинкин приехал с бандой вечером, остановился на сборне, где собрался сход. Щетинкин спрашивал на сходе, кто из собравшихся Красной армии или белой, и предлагал записываться в его банду, но охотников не было. Сын показателя, Федот Седунов, ответил Щетинкину, что мы будем той гвардии, которая возьмет. Три дня тому назад из деревни банда Щетинкина увезла однодеревенца Семена Щитникова, которого до сего времени нет. Более ничего не знает. Неграмотный.

2) Крестьянин той же губернии, уезда, волости и села Марк Алексеев **Дегтерев**, 15 лет от роду, православный, показал, что две или три недели тому назад Щетинкин с бандой приблизительно в 50 чел. приезжал в сел. Курбатово, где всем предлагал за-

писаться к нему в банду, но никто не записался, почти через каждые сутки ездят от банды по деревне два человека, зачем они ездят, он не знает. Щетинкин с бандой стоит в дер. Нагорновой, это он потому знает, что ездил по дрова через Нагорново и видел у дер. до 20 чел. также вооруженных, когда он, показатель, возил дрова, то его через деревню пропускали без всяких остановок, а с неделю тому назад не стали пропускать. Заявил себя неграмотным.

3) Крестьянка дер. Курбатовой Мария Наумовна **Тихонова**, 44 лет от роду, православная, вдова, показала, что она о Щетинкине ничего не знает, слышала, что банда Щетинкина стоит в Нагорновой, третьего дня банда увезла Семена Щитникова, а вчерашнего числа он, Щитников, послал письмо из Нагорновой о том, что он жив и здоров, но каждую ночь по дер. Курбатовой ездят два верховых. Посланное Щитниковым письмо попало в руки его матери. Неграмотная.

4) Крестьянин дер. Курбатовой Григорий Яковлев **Чеслаев**, 17 лет от роду, православный, показал, что две-три недели тому назад Щетинкин с бандой в 100 человек ночью приехал в Курбатову и требовал на сельской сборне, чтобы мужчины перешли на его сторону, но многие так наполовину отказались, а остальные колебались, все-таки говорили за сторону Щетинкина, помнит некоторых: Ялтухов Иван, Степан Сумеев, Степан Бабенко, Андрей Бабенко, Федор Лелеко, Спиридон Коротин, Дмитрий Коротин, Макар Коротин и др., которых не помнит. Больше Щетинкина до сегодняшнего дня не было, каждый вечер по Курбатовой ездят по двое верховых. Он, показатель, слышал, что три дня тому назад банда Щетинкина увезла Щитникова, Щетинкин с бандой стоит у Нагорновой, в той же деревне имеет склад

оружия у кр. Устина Спирина, даже сын Спирина Иван принимает и выдает оружие банде, более показать ничего не имеет. Неграмотный.

5) Крестьянка дер. Курбатовой Мария Андреевна **Тыщенко**, 38 лет от роду, православная, показала, что Щетинкин с бандой приезжал в дер. Курбатову ночью две недели тому назад или три, собирался сход, о чем судили—она не знает, муж ее не был на сходе, больше того Щетинкин не был, по деревне ездят по два человека ночью, видимо, из банды Щетинкина, слышала, что бандах, Щетинкина увезла Щитникова, более ничего не знает. Заявительница неграмотная.

6) Крестьянка дер. Курбатовой Анна Ильинишна **Лелепина**, 20 лет от роду, православная, показала, что она слышала от однодеревенцев: две-три недели тому назад Щетинкин был в дер. Курбатовой, собирался сход, о чем судили на сходе—не слышала. Слышала, что три дня тому назад банда Щетинкина увезла Щитникова, более ничего не знает. Заявляет себя неграмотной.

Помощник Начальника милиции Ачинского город. участка **Клыков.**

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 55 коп.